9(47)
А-65

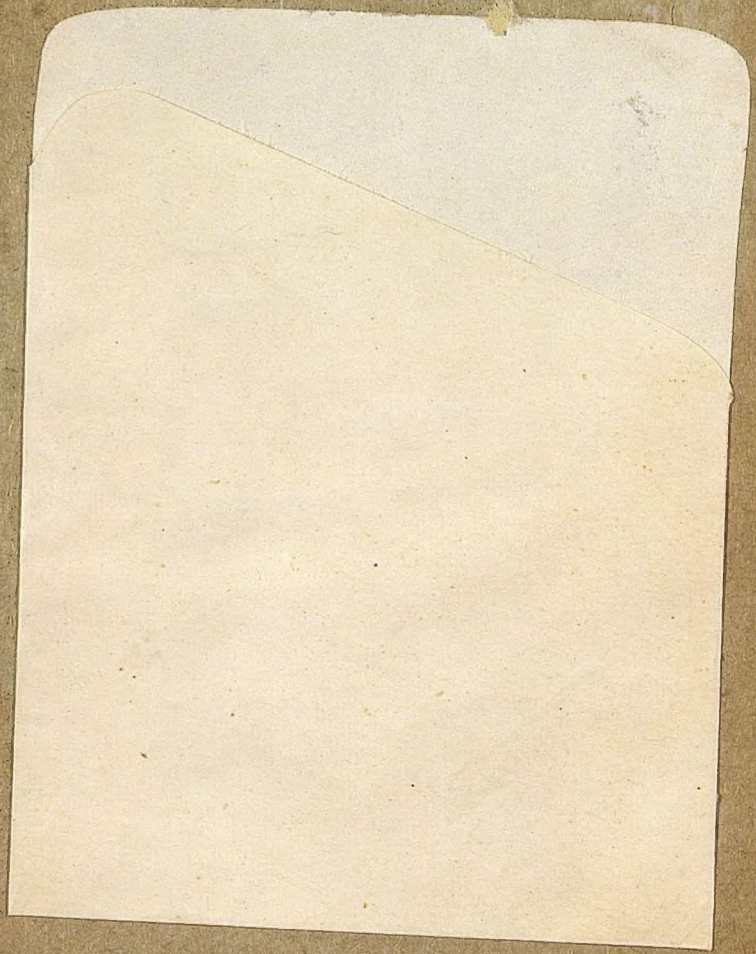
П. АНДРЕЕВ

Л692-1547

НАРОДНАЯ ВОЙНА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ

ОГИЗ · СМОЛГИЗ · 1940

НАРОДНАЯ ВОЙНА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ



1Б92
1547
9(47)
А-65

П. АНДРЕЕВ

НАРОДНАЯ ВОЙНА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ

СМОЛЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СМОЛЕНСК. 1940

4 тз

192240
Ф
18
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
680880

ГЛАВА I

НАРОДНАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Война 1812 года давно стала предметом исторического исследования. В 1839 году появилось „Описание Отечественной войны 1812 года", составленное генералом Михайловским-Данилевским и представлявшее собой первый опыт систематической истории этой войны. За сто лет, прошедших с тех пор, накопилась огромная литература, посвященная „двенадцатому году". Тем не менее нельзя сказать, что в деле изучения Отечественной войны достигнуты исчерпывающие результаты и тема освещена со всех сторон с одинаковой и необходимой полнотой. Это утверждение относится прежде всего и больше всего к вопросам, связанным с участием народных масс в войне 1812 года. Народная война в 1812 году является наименее изученной стороной той замечательной эпохи и еще ждет своего историка. Для того чтобы убедиться в этом,

достаточно даже беглого обзора основных мнений о народной войне, высказанных в существующей литературе о 1812 годе.

Названное выше сочинение ген.-лейтенанта Михайловского-Данилевского было написано по „высочайшему повелению" императора Николая I и представляет собою наиболее яркое воплощение монархическо-дворянской истории Отечественной войны. Все сочинение пронизано тенденцией прославления самодержавия в лице императора Александра I. Под пером этого историка-генерала Александр выступает в качестве основной, центральной фигуры всей войны и главного виновника победы России в борьбе с Наполеоном. „Слово русского царя („Нет мира с врагами!"),—утверждает Михайловский-Данилевский,— было свято и непоколебимо, как свята и непоколебима Россия. Здесь истинный, главный источник побед России и спасения Европы..."[1]. Заключительную главу своего труда автор превращает в настоящий панегирик русскому самодержцу.

Народной войне Михайловский-Данилевский посвящает только одну небольшую главу среди нескольких десятков глав своего четырехтомного сочинения. В этой главе он проводит две основных идеи. Во-первых, народная масса вооружилась и выступила против завоевателей под руководством дво-

рянства, духовенства и власти. В уездах Смоленской губернии, например, по утверждению Михайловского-Данилевского, „дворянские предводители, градские головы, исправники, городничие, волостные начальники устраивали вооруженную силу, явно и скрытно нападали на неприятеля, убивали мародеров и фуражиров...“[2]. Здесь решительно подчеркнута руководящая роль дворянства и местных властей в народной борьбе против армии завоевателя. Особенно подчеркивалась активная роль духовенства: „Священники, благословенные Синодом, увещевали прихожан защищать храмы божьи, стоять за веру и государя“.[3] Во-вторых, восстание народных масс против завоевателей сопровождалось сохранением полной и безусловной преданности и покорности народа установленным свыше законам, властям и своим господам — помещикам. Эта мысль является, бесспорно, главным положением Михайловского-Данилевского в данной главе его труда, и он возвращается к ней несколько раз на протяжении немногих страниц. „Нигде в губерниях, прилегавших к театру губительнейшей из войн, и в самой близи от нее не были нарушены законы... не колебалась безусловная покорность к властям... покорность начальству и помещикам ни в коем случае не прерывалась...“; крестьяне

обнаружили „самую возвышенную преданность, самое слепое повиновение и трогательные примеры привязанности к помещикам...“.[4]

Через двадцать лет после выхода в свет сочинения Михайловского-Данилевского, в 1859—60 гг., появилась „История Отечественной войны 1812 года“ ген.-майора Богдановича, также написанная по „высочайшему повелению“, но уже императора Александра II. Трехтомный труд генерала Богдановича принадлежит к тому же монархически-дворянскому направлению в историографии войны 1812 года, и в вопросах народной войны в сущности повторяет историю Михайловского-Данилевского. Как и последний, Богданович посвящает участию народа в войне одну небольшую главу в своей многотомной работе. Подобно Михайловскому-Данилевскому, он считает, что народная война против Наполеона началась только на территории Смоленской губернии, отрицая таким образом борьбу с завоевателями белорусских и литовских крестьян. Рисуя народную войну в пределах Смоленской губернии, Богданович также подчеркивает руководящую роль дворянства и местных властей: в его изображении организаторами и руководителями партизанских отрядов в уездах упомянутой губернии вы-

ступают исключительно дворянские предводители, помещики, исправники, городничие, сельские бурмистры. Как и первый историк Отечественной войны, он в особенности указывает на ведущее место духовенства в борьбе народных масс с армией Наполеона: „российское духовенство... освящало благословением свыше общие усилия...“[5]. Наконец, мы встретим у Богдановича и уже знакомый нам тезис о полной преданности народа властям предержащим и господам дворянам, хотя и выраженный в другой форме — в форме утверждения об общем единодушии в борьбе с врагом всех классов русского общества. „Вся Россия,— говорит Богданович,— подобилась огромному военному стану: никто не заботился о своем имуществе, никто не предавался своим обычным занятиям; все стремились принять какое бы то ни было участие в священном деле освобождения родины... Общая опасность и общие надежды сделали русских членами одной семьи...“[6].

Таким образом, историки-генералы, представители дворянской историографии „двенадцатого года“, совершенно не показали значения народной войны в единоборстве России с Наполеоном, не заметили инициативы и роли самого народа в организации и развитии этой войны, умолчали о классовых противоречиях между крестьянством и по-

мещиками-крепостниками в годину вражеского нашествия, настойчиво стремясь внушить читателям их сочинений представление о безусловной преданности крестьян господам, о полном „единении“ крестьянства и дворянства в „одной семье“. Мы увидим в дальнейшем, в какой мере эти взгляды были далеки от исторической действительности.

Буржуазные историки также занимались изучением Отечественной войны 1812 года. Столетний юбилей ее в 1912 году заставил буржуазную историческую науку подвести некоторый итог этого изучения в многотомном юбилейном издании „Отечественная война и русское общество“, составленном при участии значительного количества авторов. Статья В. Алексеева „Народная война“ в четвертом томе названного издания служит очень ярким выражением взглядов буржуазной историографии на участие и роль русского народа в войне 1812 года. Вопреки дворянским историкам, автор статьи признает инициативу и руководящую роль представителей самого народа в организации народной войны. „Дело организации народной войны,— говорит он,— прежде всего взяли на себя сами же крестьяне, иногда в организации участвовали бурмистры, помещики, наконец, в некоторых случаях администрация...“[7]. Буржуаз-

ный историк решительно ограничивает, таким образом, руководящую роль в народной войне против Наполеона дворянства и местных властей и совсем не упоминает даже о ведущем якобы месте в ней духовенства. В этом вопросе буржуазная историография порвала с традицией дворянских историков Отечественной войны. В то же время автор статьи готов признать существование классовых противоречий между крестьянством и помещиками в эпоху нашествия Наполеона — ему известны факты разгрома крестьянами помещичьих усадеб в 1812 году. Буржуазный историк далек от идиллического представления о слиянии мужиков и господ в одну дружную семью в дни неприятельского вторжения, представления, которое было основным мотивом в изображении народной войны 1812 года в дворянской историографии. Но зато буржуазная историческая наука отказалась признать патриотизм русского народа, его способность встать на защиту родины от нападения завоевателя, его способность бороться за свою национальную независимость и самостоятельность. У раба не может быть отечества, русский крестьянин 1812 года был крепостным рабом, поэтому, по мнению автора статьи о народной войне, „подвинуть его на защиту именно отечества было вовсе не так

легко...". „Современник событий Рунич,— продолжает он, — объясняет широкое участие крестьян в войне, деятельное истребление ими неприятелей совсем иными мотивами, далекими от патриотических". „Патриотизм был тут не причем",— говорит он. По его мнению, „русский человек защищал в 1812 году не свои политические права. Он воевал для того, чтобы истребить хищных зверей, пришедших пожрать его овец и кур, опустошить его поля и житницы". И нельзя не согласиться с Руничем...".[8] Героическая борьба русского народа за родину, борьба, которая нанесла смертельный удар огромной империи Наполеона, сведена здесь к защите „овец и кур"!!! Значение народной войны 1812 года представляется автору статьи в следующем виде. Крестьяне,— говорит он,— „оказали огромную услугу России в 1812 году". В чем же заключалась эта услуга? Крестьяне отстояли некоторые местности и спасли их от разорения неприятелем, они истребили и взяли в плен несколько десятков тысяч французов. Но „самой главной заслугой крестьян в войну 1812 года было нанесение последнего удара „большой армии". Для отступавшей и уже обессилевшей армии Наполеона оставалось одно средство спасения — добраться до границы. И если бы убегавшая армия имела возможность

по пути подкреплять свои силы пищей и отогревать закоченевшие члены, она дошла бы до границы. Но крестьяне истребляли французов... Этим они лишали армию последнего ресурса..."[9]. Как мы видим, дело сводится, в конечном счете, к истреблению крестьянами французов в период отступления наполеоновской армии. В действительности значение народной войны 1812 года было неизмеримо шире. Буржуазный историк не понял подлинного значения и роли выступления народных масс в событиях „двенадцатого года".

Итак, буржуазная историография в изучении народной войны 1812 года порвала в некоторых вопросах с традициями дворянских историков-генералов. Но, отрицая патриотизм русского народа, она совершенно исказила происхождение и характер этой войны; вместе с тем, она оказалась не в состоянии понять действительное историческое значение борьбы народа с завоевателями в общем ходе и исходе Отечественной войны. Это последнее обстоятельство привело к тому, что в „Курсе истории России XIX века" А. Корнилова, наиболее значительном и известном из буржуазных курсов по истории нашей страны в XIX веке, народная война 1812 года по существу вовсе не нашла себе места. Корнилов утверждает,

что война приняла народный характер, но вслед за тем сводит характеристику народной войны и ее роли в развитии событий к одной лишь фразе: „Началась жестокая партизанская война, ударили морозы... и великая армия быстро превратилась в огромную голодную и обмерзшую толпу, которую били и захватывали не только крестьяне, но даже бабы...“[10]. Получается так, что крестьяне только добивали французскую армию, измученную и расстроенную голодом и морозами. К этому сводит Корнилов значение народной войны. Между прочим, в данном случае буржуазный историк явно склонен объяснить поражение и гибель „великой армии“ наступлением морозов. Следует отметить, что в последнем отношении Корнилов далеко не одинок: мысль о том, что морозы послужили основной причиной поражения Наполеона в русском походе, была весьма свойственна буржуазной исторической науке. Так, например, один из авторов уже знакомого нам юбилейного многотомника писал, что французская армия не была разбита ко времени выхода ее из Москвы, добавляя: „И она не должна была быть разбита... если бы не морозы...“[11]. Совершенно очевидно, что представление о морозах как главной причине поражения наполеоновского нашествия было прямым

результатом непонимания действительного значения народной войны в 1812 году.

М. Н. Покровский только один раз уделил в своих работах специальное внимание Отечественной войне 1812 года — в статье „Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века", написанной им для коллективного труда по истории России в XIX веке, выпущенного издательством Гранат. Затем он касался этой темы в своем четырехтомнике и в сжатом очерке русской истории. Присущая вообще работам Покровского борьба с традициями и теориями дворянско-буржуазной историографии, а также ошибочность его собственной точки зрения увели его очень далеко от истины: стремясь разрушить традиционное, созданное историками-генералами, представление о войне 1812 года, но, не будучи диалектическим материалистом, Покровский пришел к отрицанию бесспорных фактов, к извращению исторической действительности и, в частности, к полному отрицанию народной войны и ее значения. В названной выше статье он заявил, что „вся тяжесть борьбы (с французской армией в войне 1812 г.) легла на регулярные войска с некоторою помощью казаков..."[12]. Следовательно, участие народных масс в борьбе с Наполеоном и их роль в катастрофе, постигшей нашествие, совер-

шенно им отрицались. Правда, он признаёт далее, что крестьянство все же поднялось, однако, по мнению Покровского, оно выступило не на защиту родины от завоевателя, а только на защиту своего добра от мародеров: мародерство французской армии „автоматически создавало... народную войну. На защиту от разбойников... поднималось крестьянство".[13] Подобно буржуазным историкам, Покровский отказывает русскому народу в патриотизме, в любви к родине и способности бороться за ее независимость. Отрицая народную войну и ее роль в борьбе с Наполеоном, он, естественно, видит причину поражения „великой армии" в ее „саморазложении", которое представляется ему случайностью. „Что саморазложение французских войск пойдет так быстро, — писал Покровский, — что он (Наполеон) дойдет до Москвы лишь с обломками своей „Большой армии..." — это были случайности, к которым он не был готов и о которые разбился весь его план".[14] В „Русской истории" Покровский снова возвращается к этой мысли — причина катастрофы, постигшей Наполеона в России, лежит не в борьбе русского народа против завоевателя, а во внутренних пороках его армии: „французская армия пала жертвой не народного восстания, а недостатков собственной организации".[15] Позднее,

в своем сжатом очерке русской истории, Покровский повторил заимствованный у буржуазной историографии взгляд на причины поражения Наполеона: наполеоновская армия „замерзла в русских снегах".[16]

Таковы взгляды Покровского на народную войну 1812 года. Выступив против традиционной картины „двенадцатого года", нарисованной старыми историками, он не сумел, однако, преодолеть ограниченность дворянско-буржуазной исторической науки в вопросе об участии и роли народа в героической эпопее 1812 года и дать этому вопросу научное марксистско-ленинское освещение. Он не разглядел патриотического подъема народных масс в Отечественной войне за самостоятельность и независимость России, не понял ни характера, ни исторического значения народной войны; более того, он, в сущности, отрицал самый факт этой войны. Поэтому Покровский оказался не в состоянии вскрыть подлинные причины поражения Наполеона в 1812 году, ссылаясь то на „саморазложение" и организационные недостатки „великой армии", то на русские морозы и снега, и в обоих случаях апеллируя, в конце концов, к исторической случайности. Нужно сказать, что работы Покровского не только не подвинули вперед дело научного изучения народной войны 1812 года,— они явились

шагом назад по сравнению с буржуазной историографией, поскольку она все же собирала факты этой войны и признавала за ней известную историческую роль.

Благодаря влиянию антинаучных и антиисторических взглядов Покровского и его „школы", советская историческая наука долгие годы игнорировала изучение Отечественной войны 1812 года. В течение многих лет эта исключительная по своему драматизму и значению эпоха в истории русского народа относилась к числу „неактуальных" исторических тем. Причина такого странного, чтобы не сказать больше, положения вещей заключалась именно во взглядах Покровского и его „школы", которые видели в этой эпохе лишь войну, затеянную русским царизмом и дворянством, войну, в которой в силу ряда непредвиденных случайностей величайший полководец потерпел поражение и дворянско-крепостническая царская Россия вышла победительницей. За двадцать лет (1917 — 1937) в Советском Союзе не появилось ни одной исследовательской или хотя бы научно-популярной работы о войне 1812 года. Борьба с антимарксистской „школой" Покровского оживила интерес к этой исторической эпохе, а сто двадцать пятая годовщина Отечественной войны, исполнившаяся в 1937 году, принесла с собою решительный перелом в

отношении нашей исторической науки и широких кругов советской общественности к войне 1812 года. Наша периодическая печать, как общая, так и специальная, отметила годовщину. Войне 1812 года было возвращено принадлежащее ей по праву название „Отечественной". Эта война выступила перед нами как освободительная героическая борьба русского народа за независимое существование России против вторгшегося в страну грозного завоевателя. В связи с годовщиной появился и ряд новых научных и популярных работ о 1812 годе. В этой новой литературе, посвященной Отечественной войне, первое место принадлежит, бесспорно, книге академика Е. Тарле „Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год". Книга получила вполне заслуженную высокую оценку.[17] Однако как раз изображение народной войны 1812 года в работе Тарле вызывает некоторые возражения.

„Нельзя в истории 1812 года,— заявляет акад. Тарле, — писать отдельную главу „Народная война". Вся война против вторгшегося Наполеона была сплошной народной войной".[18] Это совершенно правильное в своей основе положение таит в себе известную недооценку значения и роли в ходе войны 1812 года, в поражении и гибели вражеского нашествия, выступления в каче-

стве активной силы русских народных, крестьянских масс. Это первое впечатление крепнет при ближайшем знакомстве со взглядами автора на борьбу русского народа с Наполеоном. „Народный характер этой войны, — утверждает Тарле, — мог проявиться сразу же в организованных формах, в армии. В Испании народная война приняла совсем иные формы, потому что там долго не налаживалась организация армейских единиц...“[19]. В дальнейшем автор еще раз настойчиво повторяет свою мысль: „Русская народная война... была совсем не похожа на испанскую. Она велась больше всего русскими крестьянами уже в армейских и ополченских мундирах, но от этого она не становилась менее народной“.[20] Такое резкое противопоставление Испании, где сам народ боролся с французской армией, России, в которой народ сражался с завоевателями главным образом под армейскими знаменами в солдатских мундирах,— неправильно. Конечно, народный характер войны 1812 года сказался также в том героизме и упорстве, с которыми русская армия и, прежде всего, ее солдатская — крестьянская в своем подавляющем большинстве — масса билась и умирала под стенами Смоленска, на полях Бородина, на улицах Малоярославца. Но наряду с этим поднялась самостоятельно и актив-

но сама народная масса, и она-то нанесла главный, смертельный удар наполеоновскому нашествию. Своим противопоставлением народной войны в Испании и России академик Тарле снижает роль русского крестьянства в Отечественной войне 1812 года.

С другой стороны, Тарле явно затушевывает остроту классовых противоречий между крепостным крестьянством и крепостническим дворянством и борьбу крестьян против крепостного права и крепостников в год нашествия Наполеона. Он признает, что крестьянское движение против крепостного права в России в 1812 году было, но затем рядом своих утверждений сводит это движение по существу нанет. „Общее впечатление такое, — пишет Тарле: — крестьяне в 1812 году то в одном, то в другом месте восставали против помещиков, как и в предшествующие и последующие годы. Но наличие неприятельской армии в стране являлось не усиливающим, а, напротив, ослабляющим элементом антипомещичьего движения... Были там и сям проявления крестьянского движения против помещиков... не протесты крестьян против помещиков, а именно относительная редкость этого явления характерны для годины наполеоновского нашествия... все эти волнения крестьян в 1812 году были бук-

вально каплей в море сравнительно с гигантским подъемом (народа против неприятеля)... Уже после Смоленска, а особенно к моменту занятия Наполеоном Москвы... даже и эти отдельные проявления крестьянского движения почти прекратились..."[21]. Все это не соответствует исторической действительности 1812 года. Крестьянские выступления против крепостного права и помещиков в этом году вовсе не были ни „относительной редкостью", ни „каплей в море"; вторжение в страну вражеской армии совсем не являлось „ослабляющим элементом антипомещичьего движения": именно в районах, подвергшихся неприятельскому нашествию и соседних с ними, поднялась широкая волна крестьянского движения против господ и крепостнической эксплоатации, и это движение вовсе не прекратилось после оставления Смоленска русской армией. Для иллюстрации и подтверждения своих положений Тарле приводит факты крестьянского движения в губерниях, оказавшихся вне театра военных действий (волнения крестьян помещика Яковлева в Вологодской и Новгородской губерниях, „неповиновение" заводских крестьян Пермской губ., волнения крестьян в Тверской губ., восстание крестьян-ополченцев в Пензенской губ.). А между тем, крестьянский протест против крепостни-

чества особенно сильно выразился в тех областях России, которые были вовлечены в орбиту нашествия и войны, в частности в Смоленской губ.

Кроме книги академика Тарле, среди новейшей литературы о войне 1812 года следует отметить две статьи Л. Бычкова, посвященные крестьянству и народной войне в 1812 году.[22] В первой статье — „Война 1812 года и крестьянство" автор ставит вопрос об отношении русского крестьянства к нашествию Наполеона, правильно обусловливая выступление крестьянских масс против французской армии завоевательным, грабительским характером вторжения и поддержкой крепостнических отношений в России со стороны Наполеона. Вторая статья рисует фактическую картину народного партизанского движения в 1812 году на территории Смоленской и, главным образом, Московской губернии. Здесь автор подчеркивает роль командования русской армии, в лице Кутузова, в руководстве партизанской войной. Несомненной заслугой автора является проведенное им различие между народными партизанскими отрядами, организованными самими крестьянами, и отрядами, сформированными русским командованием из казаков и кавалерийских солдат под начальством офицеров русской армии. Автор спра-

ведливо видит в данном случае две различных струи в партизанском движении 1812 года.

Литература, специально посвященная истории народной войны в 1812 году в Смоленской губернии, невелика. В начале девятисотых годов в журналах „Русская старина" и „Русский архив" были напечатаны две статьи А. Слезскинского о народной войне в Смоленской губ. и о смоленских партизанах в 1812 году.[23] Обе статьи почти повторяют друг друга по содержанию. Слезскинский рассказывает в них об организации в пределах Смоленской губ. партизанских отрядов и партизанской войны против французов советником Тверской гражданской палаты Денисовым, который был командирован в Смоленскую губ. тверским губернатором Кологривовым, временно принявшим, вследствие бегства смоленской губернской администрации, часть уездов Смоленской губ. в свое заведывание. Всем фактическим материалом своих работ Слезскинский стремится показать руководящее место дворянства и местной власти во главе народной борьбы с Наполеоном. В дни столетнего юбилея Отечественной войны смоленское губернское земство издало солидный труд В. Вороновского „Отечественная война 1812 г. в пре-

делах Смоленской губернии". Автор — дворянин, гласный Краснинского уездного земства. В своей книге он посвятил народной войне на территории Смоленской губ. отдельную главу, содержащую большой фактический материал. Что касается общих взглядов Вороновского на народную войну 1812 года, то в этом отношении он примыкает к дворянской историографии „двенадцатого года", что, впрочем, вполне естественно для автора-помещика. „...В годину величайшего народного бедствия оно (дворянство) явилось ярким выразителем общенародных помыслов и чувств: оно шло во главе всего народного восстания, охватившего наше отечество. В великом подъеме патриотического духа дворянство, забыв свои привилегированные права, осуществляло свои коренные обязанности, являясь центральным органом жизни русского народа. Помещик... исчез, и в его лице на арену общественной деятельности выступил самоотверженный патриот-гражданин. ."[24]. Охарактеризовав таким образом роль дворянства в 1812 году, автор обращается к крестьянству. „Крепостное крестьянство проявило поразительное величие души и необычайную государственную устойчивость. На общей высоте духовного подъема крестьянство сблизилось со своими господами, совместно и дружно осуществляя великую за-

дачу исторического момента. Забыта была на время сословная рознь с ее противоречивыми интересами..."[25]. В этих положениях Вороновского нетрудно узнать уже знакомые нам представления дворянских историков 1812 года о том, что дворянство возглавляло войну русского народа с Наполеоном, и что будто бы создалось полное „единение" дворянства и крестьянства в год войны.

Тогда же в Смоленске вышла книга местного историка В. Грачева „Смоленск и его губерния в 1812 году". Эта книга, чисто компилятивная, далеко уступающая по объему фактического материала и широте освещения темы труду Вороновского, не представляет сколько-нибудь значительной ценности в существующей литературе о „двенадцатом годе" в Смоленской губ. Смоленская ученая архивная комиссия отметила юбилейную дату публикацией источников по истории Смоленска и его губернии в 1812 году, в частности, архивных документов из местных архивов („Смоленская старина", вып. 2-й). Публикация эта, до сих пор в целом никем еще не использованная в литературе, является единственным пока изданием источников по „двенадцатому году" в Смоленской губ. и представляет собою большую ценность для исследователей народной войны 1812 года. После революции не появилось

ни одной работы о народной войне 1812 года и вообще об Отечественной войне в пределах Смоленской губ.

В существующих книгах о народной войне в Смоленской губ. в 1812 году собрано большое количество фактов, часто весьма ценных и интересных, но в отношении общих взглядов на борьбу русского народа с Наполеоном все эти книги примыкают к традициям даже не буржуазной, а дворянской историографии Отечественной войны. Марксистско-ленинский анализ народной войны в Смоленской губ. в „двенадцатом году" нужно начинать сначала.

В итоге сделанного нами обзора литературы о народной войне 1812 года мы возвращаемся к положению, сформулированному в начале этой главы: народная война остается до настоящего времени наименее изученной стороной „двенадцатого года". Дворянские историки войны 1812 года — генералы уделили в своих работах народной войне слишком незначительное внимание, не поняли всего значения ее в общем ходе Отечественной войны и нарисовали совершенно ложную картину „единения" господ и крепостных в 1812 году. Буржуазная историческая наука оказалась не в состоянии понять

героический подъем народных масс в борьбе за родину, свела народную войну за отечество к защите крестьянами своего добра, а значение этой войны — к добиванию мужиками обессилевших и дезорганизованных голодом и холодом остатков „великой армии". Покровский пришел к полному отрицанию народной войны в 1812 году и ее роли в событиях этого года. Новейшая советская литература о 1812 годе, вызванная к жизни недавней годовщиной Отечественной войны, единодушная в признании народной войны, рассматривает ее как героическую борьбу народных масс страны за независимость и самостоятельность русского государства против грозного завоевателя и видит в народной войне коренную причину поражения и гибели нашествия. Тем не менее, целый ряд вопросов, связанных с народной войной 1812 года, оказался пока вне поля зрения советских историков, остался не освещенным и нуждается еще в исследовании. Таковы вопросы: о взаимоотношении в народной войне 1812 года борьбы крестьянства против крепостного права и помещиков, с одной стороны, и борьбы русского народа с Наполеоном — с другой; об участии в народной войне городского населения; о роли русского дворянства в этой войне и ее социально-политических корнях;

об отношении к народной борьбе с завоевателем тогдашней интеллигенции и духовенства. Все эти вопросы мы попытаемся осветить на основе фактов народной войны в Смоленской губ. Но прежде чем перейти к Смоленску и его губернии в эпоху Отечественной войны, остановимся на выяснении общего исторического значения народной войны в год нашествия Наполеона на Россию. Нам кажется, что общепринятое в новейшей советской литературе о 1812 годе положение о том, что именно народный характер, который получила война, явился главной причиной поражения Наполеона и гибели французской армии в России, еще недостаточно уточнено и раскрыто. Поэтому глава об общем историческом значении народной войны „двенадцатого года" представляется нам необходимой в работе, посвященной этой войне на территории одной из губерний Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

1 Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 г. Изд. 3-е, СПБ, 1843, ч. IV, стр. 339.
2 Там же, ч. III, стр. 107.
3 Там же, стр. 111.
4 Там, же стр. 120 — 121.
5 М. Богданович. История Отечественной войны 1812 г., т. II, СПБ, 1859, стр. 417.

6 Там же, стр. 415 — 416.
7 Отечественная война и русское общество. Юб. изд. М. 1912, т. IV, стр. 233—234.
8 Там же, стр. 228 — 229.
9 Там же, стр. 236 — 237.
10 А. Корнилов. Курс ист. России XIX в. М. 1918, ч. 1, стр. 183 — 184.
11 Отечественная война и русское общество, т. IV, стр. 184.
12 Назв. статья в сборн. М. Покровский „Дипломатия и войны царской России в XIX ст". М. 1923, стр. 46.
13 Там же, стр. 56.
14 Там же, стр. 50.
15 М Покровский. Русская история древнейших времен. ГИЗ. 1923, т. III, стр. 259.
16 М. Покровский. Русская история в сам. сжат. очерке. ГИЗ, 1925, стр. 82.
17 См. рецензии проф. Предтеченского в журн. „Историк-марксист" и проф. Молока в „Историческом журнале".
18 Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М. 1938, стр. 184.
19 Там же, стр. 182 — 183.
20 Там же, стр. 234
21 Там же, стр. 176 — 178.
22 Война 1812 г. и крестьянство. „Исторический журнал". 1937 г., № 8. Крестьянское партизанское движение против Наполеона в России в 1812 г. „Исторический журнал" № 10. 1938 г.
23 Смоленские партизаны в 1812 г. „Русск. стар." 1900 г. Сент. Народная война в Смоленской губ. в 1812 г. „Русск. архив" 1901 г., кн. 2.
24 В. Вороновский. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губ. СПБ. 1912, стр. 237
25 Там же, стр. 237—238.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В десятой главе романа „Евгений Онегин" Пушкин писал: „Гроза двенадцатого года настала.... Кто тут нам помог: остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?..". В этих строках поэт поставил вопрос, который не может не приковать к себе внимания каждого изучающего историю Отечественной войны 1812 года, — вопрос об основной, коренной причине, обусловившей страшную катастрофу, поглотившую армию Наполеона в России и послужившую началом крушения огромной наполеоновской империи. Ко времени войны с Россией империя Наполеона достигла зенита своего могущества. После разгрома Пруссии в 1806 году, после поражения Австрии в 1809 году Наполеон господствовал над Европой. Наполеоновская Франция представляла собою буржуазное государство, вышедшее из великих социальных бурь буржуазной рево-

люции конца XVIII века, наиболее передовой в тогдашней Европе по своему общественному строю. Армия Наполеона была лучшей армией в Европе того времени. Она была закалена в бесчисленных сражениях, имела за собою опыт и славу непрерывных побед, во главе этой армии стоял один из величайших полководцев в мировой истории. В 1812 году наполеоновская Франция встретилась на поле битвы с Россией, встретилась не впервые,— еще совсем свежи были в памяти современников тяжелые неудачи русских войск под Аустерлицем и Фридландом. Россия, недавно пережившая век Екатерины, век расцвета крепостного права и сословных привилегий российского дворянства, представляла собою крепостническо-дворянскую самодержавную империю, одну из наиболее отсталых в Европе по своему социально-экономическому строю феодальных стран. Русская армия как боевая сила несомненно уступала французской, несмотря на высокие боевые качества русских солдат. Правда, русская армия имела в недавнем прошлом превосходный опыт суворовских походов и побед, но значение этого опыта было сильно ослаблено введением в русской армии устаревшей прусской военной системы и вахтпарадной муштры в короткое царствование императора Павла. В рядах рус-

ской армии находилось немало талантливых боевых генералов, среди которых выделялись питомцы суворовской школы (из них крупнейшим был Кутузов), но не было все же полководца, равного Наполеону. И вот при таких условиях война между Францией и Россией заканчивается не только поражением наполеоновской армии, но и полным ее уничтожением. Почему так случилось? Этот вопрос неизбежно должен задать себе каждый историк, изучающий 1812 год.

Для ответа на данный вопрос обратимся к основным этапам войны 1812 года, оговорившись, что мы вовсе не собираемся писать здесь историю военных действий — она давно написана,— а только хотим еще раз проследить развитие событий под углом участия русских народных масс в войне и их роли в ходе и исходе единоборства России с наполеоновской Францией.

24 июня 1812 года Наполеон, без формального объявления войны, перешел русскую государственную границу, реку Неман, во главе своей „большой армии". Начало войны застало русское правительство и командование неподготовленными, хотя войска были придвинуты к западной границе и сам император Александр I находился при армии, в Вильно. Прежде всего, не существовало определенного плана ведения войны. „Мне-

ния насчет образа войны,— вспоминает в своих записках генерал Ермолов, — были различны".[1] Военный министр Барклай-де-Толли предпочитал, по свидетельству того же Ермолова, войну наступательную. Имелись планы вступления русских войск в пределы Варшавского герцогства и Пруссии. То обстоятельство, что продовольственные магазины, долженствовавшие снабжать армию, были устроены у самой западной границы, также говорило о намерении русского правительства вести именно наступательную войну. Но, с другой стороны, накануне открытия военных действий император Александр находился под обаянием плана войны, разработанного прусским генералом на русской службе, советником императора по военным вопросам, Фулем. Согласно плану Фуля, русские войска, предназначенные для действий против Наполеона, делились на две армии, из которых первая, бо́льшая по численности, армия должна была сдерживать неприятеля с фронта и остановить его перед укреплениями заранее подготовленного лагеря. В это же время вторая армия должна была действовать во фланг и тыл французской армии. Был подготовлен, как известно, и укрепленный лагерь в Дриссе. Одно можно утверждать вполне определенно: плана сознательного заманивания противника

вглубь страны путем отступления русской армии не существовало. Перед войной в среде русских генералов и в кругах, близких к императору Александру, высказывались мысли о необходимости, в случае войны с Наполеоном, избегать сражений, отступать, втягивая неприятеля в необъятные пространства России. Так, например, в 1807 году генерал Барклай-де-Толли, будущий главнокомандующий против Наполеона, говорил историку Нибуру в гор. Мемеле: „Если бы мне довелось воевать против Наполеона, то я избегал бы генерального сражения и отступал до тех пор, пока французы нашли бы, вместо решительной победы, другую Полтаву".[2] В январе 1812 года французский эмигрант, граф д'Алонвиль, писал в мемуаре, представленном им русскому императору: „...следует избегать генеральных сражений, отступать внутрь страны, увлекая за собою противника..."[3]. Однако все эти мысли о благодетельности отступления внутрь России так и не претворились к началу военных действий в план войны, принятый правительством и командованием. План Фуля и влияние его автора на русского царя привели к тому, что к началу войны русские войска на западной границе, насчитывавшие всего около двухсот тысяч человек, были растянуты вдоль границы на протяжении несколь-

ких сот километров, разделенные притом на две самостоятельных армии (первая и вторая западные армии), промежуток между которыми равнялся ста километрам. Получилась как бы цепь русских корпусов, настолько непрочная, что Наполеон легко мог ее прорвать. „Если бы Наполеон сам направлял наши движения,— замечает по поводу расположения русской армии на границе генерал Ермолов,— конечно, не мог бы изобрести для себя выгоднейших!..“[4]. При таком положении дела массовое вторжение врага (французская армия, перешедшая русскую границу, насчитывала 420 тысяч человек), заставило обе русские армии начать отступление внутрь страны с целью избежать неминуемого поражения в пограничном сражении и объединить свои раздробленные силы. План Фуля был отброшен, укрепленный лагерь в Дриссе, оказавшийся, по оценке Клаузевица, „дрисской мышеловкой“, был оставлен. „Скифская война“, отступление русских войск, которое неизбежно должно было увлечь противника вглубь России, были властно продиктованы ходом событий. „План отступления русской армии,— говорит К. Маркс,— стал теперь делом не свободного выбора, а суровой необходимости“.[5] Началось отступление русской армии, продолжавшееся более двух с половиной меся-

цев — сначала до Смоленска, затем, после оставления Смоленска, до Бородина и далее — до Москвы. „Суровая необходимость“ этого отхода далеко не сразу была понята русским командованием. „Барклай приступал неохотно к отступлению“,— утверждает в своей „Истории Отечественной войны“ Багданович.[6] 24 июня, в самый день вторжения Наполеона в Россию, Барклай писал командующему второй западной армией Багратиону: „Если первая армия не будет иметь возможности вступить в выгодный бой под Вильною, то, соединившись с корпусами Витгенштейна и Дохтурова у Свенцян, может быть, примет там сражение, а если позволят обстоятельства, пойдет от Свенцян атаковать неприятеля“.[7] Через четыре дня, 28 июня, Барклай снова пишет Багратиону о Свенцянах, „где, может быть, дано будет генеральное сражение Наполеону“.[8] Барклай-де-Толли собирался сражаться с французской армией под Вильно или Свенцянами, у границы. В дальнейшем Багратион рвался в бой, понуждая Барклая, постоянно жалуясь в своих письмах на его „нерешимость“ и трусость, даже обвиняя Барклая в измене России, заявляя в пылу раздражения, что он наденет „зипун“, потому что ему стыдно носить теперь русский военный мундир. Барклай отступал, но остановился на пози-

ции под Витебском, на которой готовился дать сражение, и колебался, когда начальник его штаба Ермолов указывал ему на недостатки позиции и предлагал отступить.[9] После оставления Смоленска сознание необходимости сражения, необходимости дать отпор врагу с огромной силой тяготеет над командованием русской армии. Оно настойчиво ищет удобной для боя позиции по всему пути от Смоленска до Бородина, отвергая и оставляя найденные позиции одну за другой. Так были выбраны и затем оставлены две позиции под Дорогобужем и позиция у с. Федоровского за Вязьмой. Наконец, Барклай остановил армию у с. Царева-Займища, под гор. Гжатском, с твердым намерением сражаться здесь. Сюда 29 августа прибыл в армию новый главнокомандующий — Кутузов, который „в пику Барклаю-де-Толли", по мнению К. Маркса,[10] покинул эту позицию. А через несколько дней русская армия уже сражалась на Бородинском поле.

Итак, русская армия отступала, перемежая свой отход упорными боями под Салтановкой, под Островно, под Красным, под Смоленском. Но по пути Наполеона поднимался народ. Началась народная война. Эту войну начали еще на территории Литвы и Белоруссии, которые были первыми заняты

наступающей армией Наполеона, литовские и белорусские крестьяне. Затем ее подхватили народные массы центральной России, по мере того как неприятель все более углублялся в страну.

В войнах, которые Наполеон вел в Западной Европе, французская армия привыкла видеть на своем пути оставшееся на месте население, многолюдные деревни и города, покорно встречавшие завоевателей. Ничего подобного не было в России. „Великая армия" встретила здесь пустыню — население бежало при приближении врага, обезлюдевшие деревни и города пылали. Эта картина надолго потом врезалась в память уцелевших участников русского похода. Уже в Литве, в районе Вильно, — рассказывает один из них, — „поля были опустошены, деревни безлюдны, все крестьяне бежали в леса, и можно было встретить только нескольких жалких евреев в лохмотьях".[11] Другой участник похода вспоминает: „Уже больше двух месяцев мы встречаем... на пространстве около 300 миль одни только безлюдные деревни и опустошенные поля. Казалось, всюду наше приближение вызывало опустошение; все население бежало при нашем приближении".[12] „Почти во всех местах, куда мы приходили, — говорит третий свидетель вторжения Наполеона в Россию, —

съестные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей не было: они убежали, унося с собою свою провизию в большие окрестные леса. На нашем пути мы не встретили ничего, кроме жалких и безлюдных деревень, дома которых были скорее несчастными избами".[13] То же было и в Смоленской губ., куда французская армия вторглась вслед за оккупацией Белоруссии. „Жители при нашем приближении, — писал из Смоленска французский офицер Пюибюск, — разбегаются и уносят с собою все, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах".[14] Обезлюдели не только деревни, но и города. Французы вступают в гор. Полоцк. „Мы радовались,— пишет в своих записках офицер „великой армии",—что, наконец, устроились в домах. Однако и в них мы нашли только мертвых солдат. Жители разбежались..."[15]. Витебск, занятый Наполеоном, „был почти пуст; в нем оставались только евреи и несколько подозрительных типов".[16] Дальше, на дороге к Москве, в пределах Смоленской и Московской губерний, пустые города, покинутые бежавшим населением, были охвачены пламенем. Вот свидетельства наполеоновских офицеров, участников войны. „В Дорогобуже мы нашли объятыми пламенем все дома... Город подожгли русские солда-

ты, а горожане все разбежались". В Вязьме — „город весь пылал... И здесь горожане покинули свои дома...". „Через Гжатск мы прошли, окруженные с обеих сторон пылающими зданиями...". „В Можайске мы застали многие кварталы в огне. Жители разбежались..."[17]. Эти горящие города предрекали французской армии пожар Москвы... Бегство жителей, уничтожавших или уносивших с собой свои запасы и уводивших скот, истребление деревень и городов огнем заставили армию Наполеона голодать. Следует оставить установившееся мнение о том, что французы стали голодать только на обратном пути, в период отступления из России. Солдаты Наполеона голодали еще на дороге к Москве, задолго до вступления в нее. Французские пленные рассказывали, что „с конца июля во всем оказалась нужда и что в течение августа армия была в отчаянии, видя, что по мере ее вшествия в Россию недостаток увеличивается".[18] В воспоминаниях французов — участников похода разбросано немало указаний на рано появившийся в „большой армии" и все усиливавшийся голод. Уже в Литве „солдаты должны были поддерживать свою жизнь воровством и грабежом".[19] После Смоленска мясо, которым питались офицеры и солдаты Наполеона, „почти всегда было лошадиное". „Сделали

только одну раздачу провианта в Смоленске, — вспоминает один офицер, — и чем дальше мы подвигались вперед в этой дикой стране, тем сильнее давал себя чувствовать голод...“[20]. Подвигаясь к Москве, „армия все также не получала ни хлеба, ни говядины“. А перед вступлением в Москву „голод продолжал, — по свидетельству другого наполеоновского офицера, — делать опустошения в нашей армии; мясо лошади и то стало редким, его ели наполовину тухлое и продавали по дорогой цене; цены на хлеб уже не существовало — его у нас больше не было...“[21]. Голодающие солдаты разбредались в поисках пищи, грабили. „По пути между Вильной и Витебском каждый полк и отряд должен уже был сам заботиться о своем продовольствии... Едва достигали бивака, как армия рассыпалась в поисках за провиантом“.[22] В таких условиях дисциплина в армии неизбежно падала, и французское командование уже вскоре после перехода через русскую границу, в районе Вильно, было вынуждено поддерживать ее расстрелами. Армия Наполеона начала разлагаться еще в дни своего, как казалось, победоносного движения вперед. „Саморазложение“ французских войск, о котором говорил Покровский, являлось в действительности разложением; оно вовсе не было „случайностью“, —

разложение завоевателей было следствием отношения к ним народа, не желавшего покориться, уходившего с насиженных мест, уничтожавшего свои жилища и опустошавшего собственную страну, оставляя врагу пустыню, озаренную заревом пожаров.

Но народная война нашла себе выражение на первых же порах не только в бегстве жителей и опустошении страны на пути неприятеля. Народ вместе с тем вооружился, чтобы истреблять врагов. Приведем лишь один факт из множества подобных. Между Витебском и Смоленском небольшой французский отряд был послан за продовольствием и фуражом в сторону от пути движения армии. Вернувшись из этой экспедиции, командир отряда рассказывал своим товарищам: „Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать; везде меня встречали неприязненно, с упреками и бранью. Никто ничего не хотел давать... Мужики вооружены пиками, многие на конях; бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики. Верховые разъезжают от места до места, сообщают о том, что делается; есть у них доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помещики".[23]

Таким образом, первый удар был нанесен Наполеону народом, потому что русская армия отступала. Народная война, начав-

шаяся с первых же шагов завоевателя на территории России, вынудила неприятельскую армию голодать и внесла в ее ряды разложение и распад. В то же время непримиримое отношение народных масс к нашествию отодвинуло в неопределенное будущее возможность победоносного мира. Французская армия занимала одну область Российской империи за другой, но победа была так же далека от Наполеона, как в момент перехода им русской границы. Враг подвигался вперед среди опустошенной самим населением страны, встречая на своем пути безлюдные деревни и города, часто объятые пламенем.

В первых числах сентября французская армия подошла к с. Бородину, на полях которого Кутузов решил дать Наполеону сражение. Не подлежит никакому сомнению, что если бы дело зависело только от Кутузова, старый главнокомандующий уклонился бы от боя и продолжал бы отступление, всю гибельность которого для противника он прекрасно понимал. Но генеральное сражение становилось политической необходимостью: приближалась Москва, за которую нужно было драться.

Седьмого сентября произошло Бородинское сражение. Клаузевиц в своем описании войны 1812 года считает, что „это сражение

принадлежит к числу тех, в которых, собственно говоря, мало что требует объяснения, так как его результаты вполне отвечают создавшейся обстановке".[24] Такая характеристика Бородинского боя совершенно ошибочна и свидетельствует о том, что Клаузевиц, сам участник этого боя и выдающийся военный теоретик, совсем не понял Бородинского сражения. Бородино, бесспорно, представляет собою глубоко своеобразное, исключительное явление в мировой военной истории. Результаты сражения, вопреки мнению Клаузевица, как раз вовсе не соответствовали „создавшейся обстановке".

Кутузов расположил свою армию под Бородиным так, что две трети ее занимали правый фланг и центр русской позиции, и лишь одна треть — левый фланг. Такое расположение войск было продиктовано русскому главнокомандующему опасениями за свое правое крыло: Кутузов почему-то был убежден, что французы атакуют именно это крыло русских. Военные историки 1812 года единогласно признают, что правый фланг русской позиции, сильный по своим природным условиям, кроме того, был достаточно укреплен, напротив, левое крыло, лишенное естественных преимуществ, почти не имело укреплений. По выражению одного из участ-

ников Бородинской битвы, эта часть русской линии „не имела другой опоры, кроме самоотвержения войск и твердой решимости победить или умереть".[25] Наполеон составил план атаки, по которому главный удар наносился левому флангу русской армии с целью смять этот фланг и отрезать Кутузова от Москвы. Против русского левого крыла Наполеон сосредоточил две трети своей армии (корпуса Даву, Нея, Жюно и кавалерию Мюрата — около 86 000 человек; всего у Наполеона под Бородиным было 130 тысяч солдат). Накануне сражения, 6 сентября, русскому командованию не могло не быть известно, что Наполеон сконцентрировал подавляющие силы против нашего левого фланга: с колокольни церкви села Бородина простым глазом были видны массы французских войск на правом крыле неприятеля. Тем не менее, Кутузов продолжал опасаться за свой правый фланг и не принял мер для усиления левого крыла. (Уже в разгар сражения Кутузову пришлось переводить второй и четвертый корпуса с правого крыла, где они стояли без дела и без пользы, в центр и на левый фланг).

С утра 7 сентября две трети французской армии обрушились на одну треть русской .. Мы не будем описывать ход сражения, много раз описанный. Русская армия

потеряла на Бородинском поле 58 000 человек убитыми и ранеными — половину своего состава (у Кутузова было 120 тысяч человек, вместе с казаками и ополченцами), но осталась на поле битвы. Ее сила и дух не были сломлены. Покровский утверждал, что Бородинское сражение по его результатам „нельзя было назвать даже нерешительным“,[26] он видел в нем поражение русской армии. Такая оценка не имеет ничего общего с действительностью и свидетельствует о том, что ее автор совсем не понял смысла и значения этого кровавого дня. Наполеон не достиг поставленной им цели — ему не удалось разгромить русскую армию. Необычайное по упорству, героизму и воодушевлению сопротивление русской армии, оказанное в этот день врагу, означало моральную победу русских. Прав был Л. Толстой, когда писал, что „победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным“. Французское войско „должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесенной в Бородине, раны“.[27] Эта рана была нанесена наполеоновскому нашествию русским народом, потому что героизм и воодушевление, с которыми сражалась на Бородинском поле русская армия, были вы-

ражением борьбы народных масс за свою родину. Бородинское сражение является крайне редким во всемирной истории примером подлинно народного сражения, героем которого был народ, одетый в солдатские мундиры. „Бородино было величайшим актом борьбы народа за национальную независимость".[28]

Так на бородинских полях народ нанес второй удар Наполеону.

Спустя неделю после боя, в солнечный осенний день 14 сентября, перед французской армией открылась панорама Москвы. Ликование охватило армию. „Мы вдруг увидели, — рассказывает один французский офицер, — тысячи колоколен с золотыми куполообразными главами. Погода была великолепная, все это блестело и горело в солнечных лучах... Мы были поражены красотой этого зрелища... у всех вырвался радостный крик: „Москва! Москва!..". „Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов", - вспоминает другой участник похода в Россию, офицер итальянского корпуса. — „Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричали: „Москва! Москва!.."[29]. Однако вскоре ликование сменилось разочарованием и недоумением, перешедшими в страх: огромный город был пуст. „Тяжелое безмолвие царило в нем. Са-

мые смелые из нас — и те были потрясены", — пишет в своих записках Лабом. „Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание — молчание, нагоняющее страх", — вторит ему в своем дневнике Ложье.[30] Вечером 14 сентября молодой кавалерийский офицер Комб и его товарищ решили поехать с бивака своего полка в Москву, чтобы весело провести ночь; им рисовалась заманчивая после лишений долгого похода перспектива хорошего ужина с вином в обществе красивых женщин. „Мы не встретили ни одного жителя, — говорит Комб об этом своем первом знакомстве с Москвой. — Нигде не видно было света, все ставни были закрыты. Ни малейшего шума, ни малейшего признака жизни как внутри домов, так и снаружи: всюду царствовало глубокое молчание, молчание могилы... Мы остановили своих лошадей. Нам было страшно..."[31].

Бегство жителей, покинувших город, стало основной причиной пожара Москвы, который начался в самый день вступления в нее армии Наполеона и в течение нескольких ближайших дней на три четверти уничтожил город. Клаузевицу казалось, что московский пожар „не имеет отца и, повидимому, так и останется навсегда невыясненным".[32] В настоящее время является общепризнанным, что полицейские чиновники,

оставшиеся в городе, поджигали Москву по прямому приказанию ген.-губернатора Растопчина; что некоторые москвичи сами жгли свои дома, чтобы они не доставались врагу; что, наконец, немало пожаров возникло от беспечности и неосторожного обращения с огнем французских солдат. Но совершенно ясно, что все эти непосредственные причины пожара могли действовать только потому, что город был пуст, оставлен жителями. „Москва сожжена жителями, — говорит Л. Толстой, — это правда; но не теми жителями, которые оставались в ней, а теми, которые выехали из нее".[33] Трудно представить себе более удачную характеристику главной причины пожара Москвы в 1812 году.

Бегство жителей из Москвы было выражением и продолжением народной войны, которая еще до занятия Наполеоном старой русской столицы выразилась в оставлении населением деревень и городов на пути движения французской армии. Следовательно, московский пожар нужно признать одним из проявлений народной войны против завоевателя, и притом — одним из наиболее ярких и драматических ее проявлений. Категорическое заявление Покровского: „по предписанию ген.-губернатора Растопчина полиция сожгла город"[34] не отвечает исторической действительности по существу и

стоит в тесной связи с отрицанием этим историком народной войны в 1812 году.

Значение московского пожара для армии Наполеона и исхода всей войны до сих пор остается невыясненным до конца. Сами участники русского похода иногда склонны были думать, что сожжение Москвы „не имело и не могло иметь никакого влияния на участь армии".[35] Клаузевиц считает, что „сохранение или гибель Москвы не могли иметь особого значения" для французской армии.[36] Между тем, пожар Москвы оказал вполне определенное губительное влияние на „великую армию" и много содействовал постигшей ее катастрофе и полной гибели. Дело заключалось вовсе не в том, что пожар будто бы совершенно лишил наполеоновскую армию квартир и запасов продовольствия, имевшихся в Москве, как обычно думают. Мы располагаем целым рядом свидетельств представителей этой армии, говорящих об обратном. Такой авторитетный в данном случае свидетель, как маршал Даву, писал жене 30 сентября (значит, уже после пожара): „Несмотря на пожар, мы находим огромные ресурсы для продовольствования войск".[37] Главный врач армии Наполеона Ларрей говорит, что в Москве были собраны запасы, „которых хватило бы на прокормление армии, если бы даже она

осталась в Москве более шести месяцев".[38] „Запасы, хранившиеся во дворцах и в частных домах, превзошли все наши ожидания", — рассказывает в своих записках барон Дедем, служивший во французской армии. „Если бы в городе был порядок, то армии хватило бы продовольствия на три месяца... Когда мы ушли из Москвы, то в магазинах осталось столько овса, что его хватило бы для прокорма 20 тысяч лошадей в течение шести месяцев... Более третьей части города осталось нетронутой, и в ней было в изобилии все то, в чем мы нуждались..."[39]. „После пожара, — свидетельствует сержант Бургонь, — все еще оставалось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию".[40] Есть сообщение также, что русские, войдя в Москву после ухода из нее французов, нашли несколько лабазов с хлебом.[41]

И после пожара Наполеон располагал в Москве и квартирами для помещения войск, и достаточными запасами продовольствия. Но зато московский пожар разложил и демонализовал французскую армию, в огромной степени ускорив и усилив тот процесс разложения и распада, который развивался в рядах армии еще на дороге в Москву. Очень правдиво и убедительно изобразил эту сторону пребывания французов в Москве Л. Толстой. „Это было войско только до

той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирам. Как только люди полков стали расходиться по пустым и богатым домам, так навсегда уничтожилось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами".[42] В пустом богатом городе, почти сразу же охваченном пламенем, грозившим уничтожить все его богатства, вся наполеоновская армия бросилась грабить. Грабили и тащили как солдаты, так и офицеры, хватали все, что попадалось под руку — от сахара и вина до картин и книг из московских дворцов. Вот, например, содержимое ранца сержанта Бургоня в момент выхода французов из Москвы: несколько фунтов сахару и рису, немного сухарей, полбутылки водки, костюм китаянки из шелковой материи, несколько серебряных и золотых безделушек, обломок креста Ивана Великого, парадный мундир, женская амазонка, две серебряных картины, несколько медалей, усыпанная бриллиантами звезда. В его сумке тоже было нескольско вещей, в том числе — распятие из серебра и золота и китайская ваза. А вот рассказ офицера: „У меня лично были меха, картины великих художников и несколько драгоценных вещей. Один из моих товарищей нагрузил огромный ящик хинной коркой; другой вез целую

библиотеку прекрасных книг..."[48]. Мародерство французской армии в опустевшей и сожженной Москве, усилив процесс разложения, поставило ее на краю гибели. Когда, 19 октября, Наполеон покинул Москву, его армия, сопровождаемая огромным обозом награбленного в Москве, несла в себе неизбежность страшной катастрофы, которая и разразилась на пути отступления „великой армии" от Москвы к западной границе России.

Как уже указывалось выше, оставление Москвы жителями, сыгравшее роль основной предпосылки московского пожара, и самый этот пожар были проявлениями народной войны. Они усилили распад неприятельской армии и подготовили ее окончательную гибель. В обезлюдевшей и сгоревшей Москве народ нанес новый, третий удар Наполеону.

Последствия этого удара сказались необычайно скоро. Поразительна та быстрота, с которой стала разлагаться армия Наполеона после выхода из Москвы, и в этом — неопровержимое доказательство губительного влияния на нее московской стоянки. Через пять дней после выхода из Москвы, 24 октября, французская армия сражалась под Малоярославцем, причем сражалась с таким упорством, что город, восемь раз переходивший из рук в руки, остался все

же за французами. Это была еще армия в полном смысле этого слова. Под влиянием упорного сопротивления русских войск в сражении 24 октября Наполеон, отказавшийся от своего намерения дойти до Смоленска через Калужскую губ., отступил и повернул на старую Смоленскую дорогу, по которой французы пришли в Москву. Должно быть, это первое за всю войну отступление надломило дух наполеоновской армии. Выйдя на эту дорогу, французская армия очень скоро перестает существовать как армия, быстро превращаясь в причудливо одетые в самые разнообразные одежды, терявшие дисциплину, военный строй и оружие толпы измученных, жалких людей, изо всех своих сил стремившихся как-нибудь добраться до отдыха и покоя, которые рисовались им в Смоленске. Объяснить это превращение действием холода и морозов невозможно, потому что холода наступили позднее, а жестокие морозы начались только после переправы Наполеона через Березину, когда катастрофа „большой армии" близилась к своему концу. Указанное нами превращение совершилось уже на пути от Малоярославца до Смоленска, когда сколько-нибудь сильных холодов еще не было. Русский генерал Крейц, вместе с армией Кутузова делавший поход от Тарутина до гра-

ницы, утверждает в своих записках, что „от Малого Ярославца до Вязьмы время было очень теплое; от Вязьмы до Смоленска были приморозки...“[44]. Также невозможно объяснить это превращение муками голода, которые, несомненно, терпела французская армия. Как мы знаем, она стала голодать еще на пути к Москве, теперь, в период отступления, голод только усилился до крайних пределов. Французы питались кониной, между Вязьмой и Дорогобужем даже собаки, находившиеся при армии, были почти все истреблены, по свидетельству одного участника отступления. Участились случаи людоедства в отступающей армии. Сержант Бургонь вспоминал впоследствии, как однажды после пожара сарая, в котором сгорели искавшие в нем себе убежище на ночь французы, солдаты „вытащили из-под развалин сарая изжарившийся человеческий труп, разрезали его на куски и ели“.[45] Дело происходило еще до Смоленска. Очевидно, катастрофически быстрый распад армии Наполеона уже на первом этапе отступления, между Малоярославцем и Смоленском, коренился в том разложении ее, которое началось и развивалось еще в первую половину кампании, до занятия Москвы, и особенно усилилось в Москве. Давно разлагавшаяся армия уже не нашла в себе сил для

того, чтобы бороться с тяжелыми лишениями и невзгодами, выпавшими на ее долю при отступлении из Москвы.

Отступавшая армия оказалась окруженной поднявшимся на врага вооруженным народом. Вооружение народных масс в целях истребления неприятеля началось с момента вторжения Наполеона в Россию, оно достигло своего высшего подъема после московского пожара. Множество крестьянских партизанских отрядов, руководимых крестьянами, солдатами русской армии, иногда помещиками и представителями местной власти, обрушилось на наполеоновскую армию, непрерывно подстерегая, преследуя, уничтожая врагов. В этой среде народного партизанского движения успешно действовали также партизанские отряды, организованные командованием русской армии под начальством офицеров — партизан Давыдова, Сеславина, Фигнера и др. Значение вооруженной борьбы народа на этом последнем этапе войны 1812 года совершенно ясно. Она лишила Наполеона какой бы то ни было возможности накормить свою голодающую армию и одеть ее перед лицом надвигавшихся холодов и тем самым обрекла французскую армию на полный распад и неизбежную гибель. Здесь русский народ нанес четвертый, последний удар Наполеону. Не го-

лод и холод, сами по себе, погубили „великую армию“ в период ее отступления из России, а борьба народа против завоевателей; именно она превратила голод, от которого страдала неприятельская армия, и суровый климат наступившего времени года в неотвратимые бедствия, в катастрофу, поглотившую бегущего из страны противника. Все дело было в том, что крестьяне, говоря словами академика Тарле, „окружили ее (армию Наполеона) плотной стеной непримиримой ненависти“.[46] Французской армии оставалось одно — бежать по старой Смоленской дороге навстречу пропасти... В декабре 1812 года жалкие остатки „большой армии“ перешли русскую государственную границу. Поход Наполеона в Россию кончился не только поражением завоевателя, но и полным уничтожением неприятельской армии.

Историческое значение народной войны в 1812 году значительно шире, чем обычно думают. Оно заключается не только в деятельности партизанских крестьянских отрядов, главным образом в период отступления Наполеона из России. Народ сыграл решающую роль во всей войне 1812 года, от ее начала до конца. Выступление народных масс явилось главной причиной поражения армии Наполеона. Французская армия не была разбита русской армией (если не

считать, конечно, частичных поражений французских корпусов в период отступления под Красным и на Березине, где русские войска в сущности добивали полуживые остатки „великой армии").

Армия Наполеона была разбита и уничтожена русским народом. Как это произошло — мы пытались показать в данной главе. Возвращаясь к словам Пушкина, которыми мы начали эту главу, мы должны теперь признать, что именно „остервенение народа" помогло России в „двенадцатом году" победить великого полководца, не знавшего поражений и утвердившего свою гегемонию над Европой. Нужно сказать, что эта последняя мысль была свойственна и современникам Отечественной войны и последующим поколениям. Еще осенью 1812 года один современник писал: „Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и калужскими".[47] Клаузевиц, тоже современник и участник событий 1812 года, анализируя возможности успеха Наполеона в русском походе и считая, что поставленные им цели могли быть достигнуты в одну кампанию, далее говорит: „Что русские покинут Москву, сожгут ее и начнут войну на истребление, этого нельзя было уверенно предвидеть, да, пожалуй, это не представлялось и вероятным; но раз это произошло,

то война в целом, как бы ее ни вели, была обречена на неудачу".[48] Л. Толстой в романе „Война и мир" писал: „Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой, и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие".[49]

„Войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона".[50] Эти слова Ленина целиком относятся к войне 1812 года. Она была национально-освободительной войной русского народа против империализма наполеоновской Франции, и в ней народ выступил в качестве главной действующей силы, главного ее героя и подлинного победителя Наполеона.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

1 Записки А. П. Ермолова о войне 1812 г. 1863, стр. 14.
2 М. Богданович. История Отечеств. войны 1812 г., т. I. СПБ, 1859, стр. 104.
3 Там же, стр. 95.
4 Записки А. П. Ермолова о войне 1812 г., стр. 16.
5 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 569.
6 М. Богданович. История Отечеств. войны 1812 г., т. 1, стр. 134.
7 Там же, стр. 134.
8 Там же, стр. 135.
9 Записки А. П. Ермолова о войне 1812 г., стр. 32 — 34.
10 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 570.
11 Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. Сборник, составл. А. Васютинским, А. Дживелеговым и С. Мельгуновым. Изд. „Задруга", М. 1912, ч. 1, стр. 39.
12 Там же, стр. 78.
13 Там же, стр. 61.
14 Там же, стр. 108.
15 Там же стр. 63.
16 Там же, стр. 78.
17 Там же, стр. 111—112, 167.
18 Двенадцатый год. „Русский архив" 1876 г., № 7, стр. 306.
19 Французы в России, ч. 1, стр. 40.
20 Там же, стр. 111—112.
21 Там же, стр. 171—172.
22 Там же, стр. 45.
23 Там же, стр. 90.
24 Клаузевиц. 1812 год. Изд. 2-ое. М. 1937, стр. 95.
25 В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников, вып. 1. Вильно, 1900, стр. 229 (из воспоминаний Болговского).

[26] М. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст., стр. 55.
[27] Л. Толстой. Полн. собр. худож. произведений. ГИЗ. 1929, т. VI. стр. 231.
[28] История СССР, т. II, Россия в XIX веке. М. 1940, стр. 90.
[29] Французы в России, ч. 1, стр. 173, 178
[30] Там же, стр. 175, 179.
[31] Там же, стр. 189.
[32] Клаузевиц 1812 год, стр. 132.
[33] Л. Толстой. Полн. собр. худож. произведений, т. VI, стр. 311.
[34] М. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст., стр. 56.
[35] Французы в России, ч. II, стр. 14. Слова Дедема.
[36] Клаузевиц. 1812 год, стр. 139.
[37] Цит. по статье А. Дживелегова „Наполеон перед отступлением". Отечеств. война и русское общество, т. IV, стр. 181.
[38] Французы в России, ч. II, стр. 34.
[39] Там же, стр. 47 — 48.
[40] Там же, стр. 2.
[41] Отечеств. война и русское общество, т. IV, стр. 182.
[42] Л. Толстой. Полн. собр. худож. произведений, т. VI, стр. 308—309.
[43] Французы в России, ч. II, стр. 123, 125.
[44] В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников, вып. I, стр. 80.
[45] Французы в России, ч. II, стр. 195.
[46] Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год, стр. 239.
[47] Отечеств. война и русское общество, т. IV, стр. 228.
[48] Клаузевиц. 1812 год, стр. 182.
[49] Л. Толстой. Полн. собр. худож. произведений, ГИЗ, 1929, т. VII, стр. 107.
[50] Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 181.

ГЛАВА III

СМОЛЕНСК В 1812 ГОДУ

В XVI—XVII вв. город Смоленск играл важнейшую политическую и военно-стратегическую роль: он был „ключом к Москве", прикрывая собою дорогу к русской столице со стороны Польско-Литовского государства. Вследствие этого московское правительство при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове в 1596—1602 гг. укрепило город каменной крепостной стеной, остатки которой сохранились до настоящего времени. Смоленск на рубеже XVII века превратился в грозную крепость, одну из самых мощных во всем русском государстве, в надежный оплот русского государства с запада. В годы польской интервенции начала XVII века эта крепость, защищаемая народной армией смоленских посадских людей и крестьян, на протяжении двадцати месяцев героически оборонялась от польских панов и короля Сигизмунда III. Но к концу XVIII века, после

первого раздела Польши в 1772 году и присоединения Белоруссии к Российской империи, русская государственная граница отодвинулась на несколько сот километров на запад, и Смоленск потерял свое былое значение пограничной крепости и оплота государства. В начале XIX века он был всего лишь одним из многих губернских городов в империи Александра I. В 1812 году в Смоленске насчитывалось тринадцать — пятнадцать тысяч жителей, вероятно, до двух с половиной тысяч домов, 345 лавок и 27 церквей. В лавках торговали и заграничными товарами — бархатом, сукнами, шелковыми материями, — и привозными товарами из Москвы и Петербурга, и предметами местного производства — конской сбруей, медными и железными изделиями, хрустальной и каменной посудой. Большинство лавок торговало разными хлебными товарами. Вел Смоленск в это время и „экспортную" торговлю, вывозя в Ригу через Поречскую пристань пеньку, конопляное масло, семя льняное, табак, сало и разное зерно в большом количестве. При первом разделении России на губернии в 1708 году мы встречаем среди прочих и Смоленскую губернию. Смоленск стал губернским центром с первых лет XVIII века. Затем на короткое время в 1720-х годах он превратился в главный

город Смоленской провинции, входившей в состав Рижской губернии, но скоро вернул себе значение губернского центра. Екатерининская административная реформа 1775 года окончательно закрепила за Смоленском это значение. В городе разместились губернские учреждения, введенные „учреждением о губерниях", что привело к образованию в составе населения Смоленска значительной чиновничьей прослойки. В 1728 году в Смоленске была открыта духовная семинария, в 1786 году — главное народное училище, превратившееся в 1804 году в губернскую гимназию. Открытие в городе учебных заведений сопровождалось появлением в составе его населения незначительного пока слоя интеллигенции в лице учителей местных учебных заведений. Таков был Смоленск ко времени нашествия Наполеона — небольшой губернский город, ровно ничем, кроме своего богатого исторического прошлого, не выделявшийся среди других таких же городов Российской империи, город со значительной торговлей, с мещанско-купеческим населением, в массу которого были вкраплены местные дворяне, духовенство городских церквей, чиновники губернских учреждений, учительская интеллигенция.

С 1654 года, когда Смоленск был отвоеван у Польши московской армией во

главе с царем Алексеем Михайловичем, город не видел войны под своими стенами. В начале XVIII века, в дни Великой Северной войны, возникла-было угроза вражеского нашествия на Смоленск: ожидали, что Карл XII со своей армией двинется из Польши на Москву через Смоленск; но шведы, дойдя до Могилева, повернули на юг, на Украину. В 1812 году над Смоленском разразилась военная гроза; как и в былые времена литовских и польских нападений на Смоленск, она и на этот раз шла с запада.

Еще в марте 1812 года среди жителей Смоленска появились тревожные слухи о надвигающейся войне с Францией, о движении огромных сил Наполеона к русским пределам и сосредоточении русских войск на западной границе. Впрочем, едва ли кто-нибудь в Смоленске думал тогда, что эта война докатится до Смоленска... Во второй половине июня слухи о войне усилились, но о переходе Наполеона через русскую границу смоляне узнали только вечером 11 июля от прибывших в город беженцев-чиновников из Белостока и Гродно.[1] 21 июля, в 11 часов утра, в Смоленск прибыл император Александр, оставивший в Полоцке армию, при которой он находился с начала военных действий. На следующий день, в шесть часов утра, император выехал из Смоленска в Москву. В Смо-

ленске Александр дал рескрипт на имя смоленского епископа; рескрипт гласил: „Узнав, что некоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бегут от малочисленных неприятельских разъездов... возлагаем мы на вас пастырский долг: внушениями и увещаниями своими ободрять их, и не токмо отвращать от страха и побега, но напротив, убеждать, чтобы они, совокупляясь вместе, старались вооружаться чем только могут... везде и повсюду истребляли их (врагов)..."[2]. Царский рескрипт явно стремился поднять дух жителей Смоленской губернии. Епископ Ириней, выполняя волю императора, стал после этого ежедневно говорить в соборе поучения и увещания для народа и, кроме того, сделал из царского рескрипта несколько странный административный вывод: с городского духовенства были взяты подписки о невыезде из Смоленска. Через несколько дней после отъезда императора в городе распространился слух о том, что Наполеон занял Витебск. В этот момент впервые, кажется, серьезная тревога за участь города и свою собственную судьбу охватила смолян; началось бегство жителей из Смоленска. Тогда смоленский губернатор барон Аш распорядился закрыть городские заставы и возвращать обратно пытавшихся выехать из города. Таким образом, в то вре-

мя как архиерей „увещевал“ смолян оставаться на месте, губернатор запретил выезд из города. В основе такой политики местных властей лежала, повидимому, уверенность в том, что Смоленску неприятельское нашествие не угрожает. Эту уверенность разделяло и военное командование. Генерал Барклай-де-Толли, командующий первой западной армией, 31 июля писал смоленскому губернатору Ашу: „Я уверяю вас, что городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности, и невероятно, чтобы оный ею угрожаем был“.[3] А всего через полмесяца под Смоленском уже гремели пушки, и город оказался в руках французской армии...

Отступавшим от западной границы двум русским армиям Барклая-де-Толли и Багратиона удалось соединиться только в Смоленске. Первая армия Барклая пришла в Смоленск из Витебска через Поречье (Демидов) 1 августа (корпус генерала Дохтурова, двигавшийся по кратчайшему направлению — через Рудню, прибыл в Смоленск 31 июля). 3 августа вступила в город и вторая армия Багратиона, подошедшая через Мстиславль и Хиславичи. Произошло соединение армий, причем Багратион добровольно подчинился Барклаю как военному министру. Смоленск был переполнен воен-

ными и необычайно оживлен в эти дни. „Каждый дом,— рассказывает современник и очевидец событий,— имел по нескольку офицеров на постое... Весь город превратился в военный лагерь, съестные продукты вдвое вздорожали..."[4]. 6 августа в Смоленске состоялся военный совет. Генерал Ермолов, участник этого совета, говорит, что „общее всех мнение было атаковать". Главнокомандующий Барклай-де-Толли был вынужден уступить общему мнению генералов и дал свое согласие на атаку, хотя и неохотно. Было решено перейти всеми силами в наступление по направлению на Рудню (здесь следует иметь в виду, что французская армия находилась в этот момент в районе Витебска). „Радость войск описать невозможно",— добавляет в своих записках Ермолов,[5] солдаты рвались в бой. На рассвете 7 августа обе армии выступили к Рудне. Но начатое с таким подъемом наступление было вскоре сорвано, а затем едва не привело к тяжелой катастрофе для русской армии. Виновником такого оборота дела являлось русское командование. Во-первых, хотя Багратион и подчинился Барклаю, взаимные вражда и недоверие между ними не прекратились. Вот, например, сцена, свидетелем которой пришлось быть генералу Ермолову, начальнику штаба первой армии. В деревне Гавриках

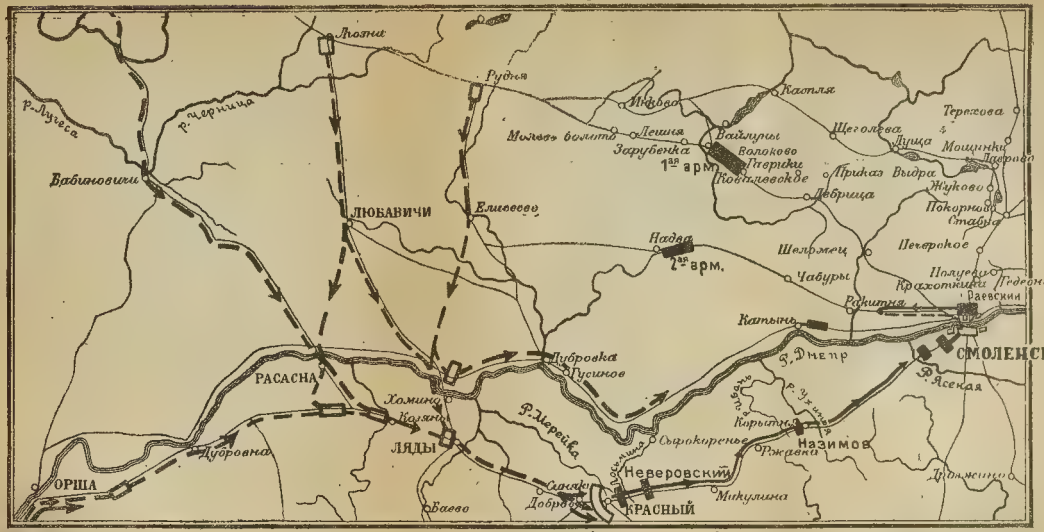
„Барклай сидел среди двора одного дома на бревнах. Багратион большими шагами расхаживал по двору, и ругали, в буквальном смысле, один другого: „Ты немец! Тебе все русское нипочем!",— говорил князь. „Ты дурак и сам не знаешь, почему себя ты называешь коренным русским", — возражал Барклай. Ермолов при этом „заботился только об одном: чтобы кто-нибудь не подслушал их разговора, и потому стоял у ворот, отгоняя всех, кто близко подходил, говоря, что „главнокомандующие очень заняты и совещаются между собою..."[6]. Такие взаимоотношения между командующими армиями не могли, конечно, способствовать успеху предпринятого наступления. Во-вторых, командование потеряло из виду неприятеля. Результатом отсутствия точных сведений о французской армии и ее намерениях явились нерешительность, опасения и бездействие главнокомандующего Барклая. Уже на следуюший день после начала наступления, 8 августа, оно приостановилось. Барклай получил сведения, что французы будто бы обходят правый фланг русской армии и, под впечатлением этих сведений, передвинул войска первой армии вправо, с Руднянской дороги на дорогу на Поречье (Демидов); вторая армия заняла место первой на руднянском направлении. 12 августа Багратион со своей

армией вернулся в Смоленск — не то потому, что опасался за судьбу города, не то — из-за вражды с Барклаем и нежелания ему подчиняться. „Солдаты утомленные, по улицам лежа, спали...“[7]. Первая армия с 8 по 13 августа бездействовала на Поречской дороге, и лишь 13 августа Барклай, освободившись от опасений за свой правый фланг, возобновил движение своей армии к Рудне. Вторая армия также двинулась из Смоленска снова по Руднянской дороге. Последним из Смоленска выступил седьмой корпус генерала Раевского. Солдаты, измученные и раздраженные бесцельными передвижениями, прозвали эти марши русской армии под Смоленском „ошеломелыми“ (по имени деревни Шеломец, мимо которой войскам пришлось неоднократно проходить).

Пока русское командование колебалось и теряло время, Наполеон решил обойти левое крыло русской армии, внезапно захватить Смоленск в тылу русских войск, отрезать их от дороги на Москву и ударом в тыл разгромить. Страшная угроза нависла над русской армией... Судьба армии, а, может быть, и судьба всей войны, должна была решиться на смоленских полях. У Росасны французская армия переправилась через реку Днепр и левым берегом Днепра двинулась к Смоленску через город Крас-

ный. В Красном стояла 27-я пехотная дивизия, сформированная перед самой войной и состоявшая почти сплошь из молодых солдат, под командой ген. Неверовского. Эта дивизия была поставлена здесь Багратионом для наблюдения за Краснинской дорогой. Целый день 14 августа дивизия Неверовского с боем отступала от Красного к Смоленску, по обсаженному березами Краснинскому большаку, сдерживая натиск наступающей армии Наполеона. Кавалерия Мюрата, шедшая в авангарде „великой армии", сорок раз атаковала русскую пехоту. Полки 27-й дивизии смешались в одну толпу, которая медленно отступала, отстреливаясь от французской конницы... „Неверовский отступал, как лев",— писал француз, граф Сегюр. „Львиное" отступление молодых солдат Неверовского задержало стремление французской армии к Смоленску и дало возможность русскому командованию принять меры к защите города. Багратион, получив донесение Неверовского о движении Наполеона к Смоленску, приказал ген. Раевскому спешить на выручку Смоленска. Корпус Раевского, последним выступивший из города, успел отойти от него не более 15 километров, в то время как первая армия находилась в этот момент в сорока километрах, а вторая армия — в тридцати километрах от Смоленска.

СХЕМА ВСТУПЛЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ В СМОЛЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ


Ляхи
Рудня
Р. Лучеса
Р. Черничка
Бабиновичи
ЛЮБАВИЧИ
Елисеево
Молодь болота
Лешня
Зарубенка
1-ая арм.
Вайгуры
Волоково
Петрики
Ковтлевское
Надва
2-ая арм.
Шелромец
Чабуры
Катыня
Пуброека
Русиново
РАСАСНА
Хомино
Козяны
Р. Царевна
ЛЯДЫ
Пубровна
ОРША
Баево
Санки
Добрая
КРАСНЫЙ
Неверовский
Микулина
Сырокоренье
Корытня
Рождено
Назимов
Р. Ужица
Р. Ясенка
СМОЛЕНСК
Р. Днепр
Р. Ясенка
Р. Ужица
Р. Ужица
Р. Ясенка
Р. Ясенка
Р. Ясенка

Смешная и нелепая, но оказавшаяся счастливой для русской армии случайность помешала Раевскому уйти дальше от Смоленска. Его корпус должен был выступать вслед за второй гренадерской дивизией; командир этой дивизии, принц Мекленбургский, был пьян и спал, его долго не могли разбудить и добиться от него приказа о выступлении дивизии. Дивизия принца Мекленбургского задержалась и задержала на несколько часов выступление корпуса Раевского из Смоленска. Передавая этот эпизод в своих записках, Ермолов замечает: „Если бы ген.-лейт. Раевскому не воспрепятствовала вторая гренадерская дивизия выступить ранее, он, сделавши большой переход, возвратился бы в Смоленск слишком поздно и мог даже найти в нем французов..."[8].

Утром 15 августа Раевский вернулся в Смоленск, прошел через город и за городом, на Краснинской дороге, встретил дивизию Неверовского. На совете командиров частей корпуса, по предложению начальника 26-й пехотной дивизии ген. Паскевича, было принято решение защищаться в самом городе, использовав для обороны крепостную стену и земляные укрепления Смоленска. В месячную, светлую ночь на 16 августа Раевский объехал город и, расположил войска своего корпуса к сражению...

Утром 16 августа французы атаковали Смоленск. Главный натиск был сделан на „Королевский бастион" (земляное укрепление, насыпанное в эпоху польского владычества по приказанию короля Сигизмунда III и оттого получившее свое название; в настоящее время „Королевский бастион" находится на территории городского парка культуры и отдыха). Наступление вели части корпуса маршала Нея; все атаки французов были отбиты полками 26-й пехотной дивизии ген. Паскевича. Раевскому удалось отстоять Смоленск в этот день, причем сам он объяснял это обстоятельство слабостью атак Наполеона. С этим нельзя не согласиться: корпус Раевского насчитывал 13 — 15 тысяч человек, Наполеон 16 августа сосредоточил под Смоленском сто тысяч человек, из которых ввел в дело, однако, только 22 тысячи; если бы Наполеон повел наступление на город более решительно, всей своей армией, полки Раевского были бы просто задавлены массой неприятельских сил. Почему же Наполеон отказался в этот день от решительного натиска на Смоленск? Можно думать, что он ожидал генерального сражения под стенами Смоленска со всей русской армией, которая поспешно стягивалась к городу, и берег свои силы для него.

Еще на рассвете 16 августа из Смолен-

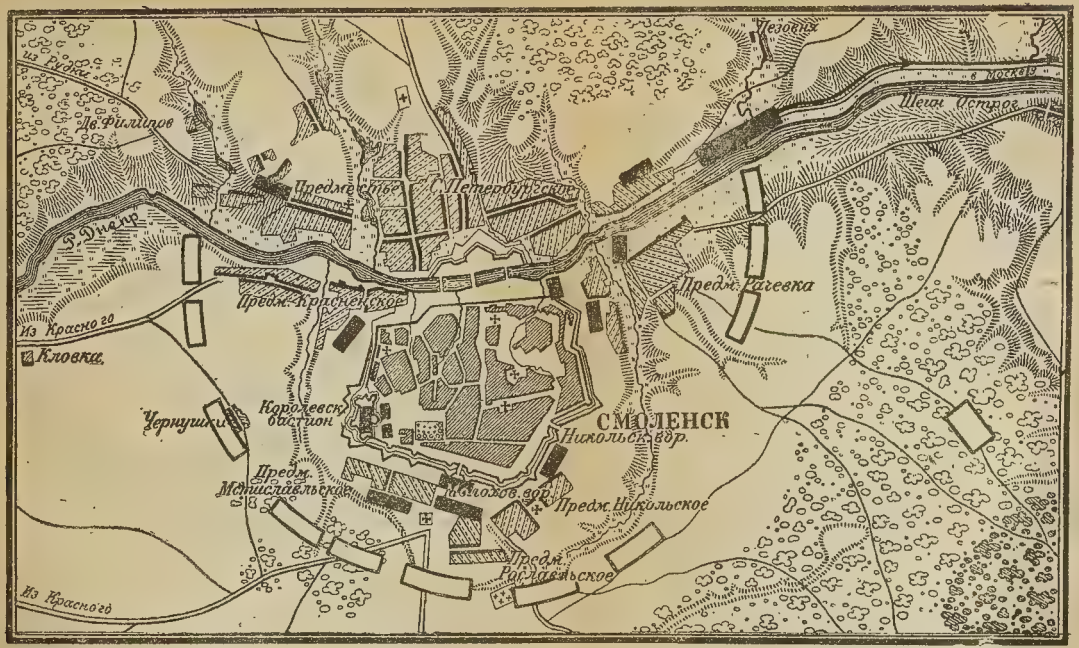
ска выехали губернатор барон Аш (в гор. Дорогобуж) и епископ Ириней (в село Цуриково по Московской дороге). Таким образом, власти светская и духовная, „увещаниями" и административными мерами удерживавшие жителей в городе, теперь бежали первыми, бросив город и его население на произвол судьбы. С утра в городе были слышны пушечная канонада и ружейные залпы, на улицах появились раненые. Конечно, начался выезд жителей из города. Но общей паники среди населения и повального бегства из города в этот первый день смоленского сражения не заметно. Войска были уверены в том, что Смоленск не будет отдан французам, и эта уверенность передавалась населению. „Все чины военные,— говорит в своем дневнике священник Мурзакевич,— уверяли жителей, что такого крепкого места ни за что не отдадут".[9] Убеждение, что город войска отстоят, помогало проявляться чувству любопытства к происходившим необыкновенным событиям. „Жители из любопытства взошли на стену,— вспоминает другой очевидец,— чтобы видеть сражение, а ребятишки падающие оружейные пули поднимали и один у другого отнимали..."[10].

Вечером 16 августа к Смоленску подошла вторая армия Багратиона, а через

несколько часов прибыла и первая армия Барклая; обе армии расположились на правом берегу реки Днепра, в виду города. В ночь с 16 на 17 августа утомленные боем полки Раевского были заменены шестым пехотным корпусом ген. Дохтурова, входившим в состав первой армии. Части этого корпуса заняли в городе места, освобожденные войсками Раевского.

Утром 17 августа французская армия подковой окружила Смоленск. С запада, против Краснинского предместья и „Королевского бастиона", располагался корпус маршала Нея; с юга, против Мстиславльского и Никольского предместий,— корпус маршала Даву; с востока, против слободы „Рачевки" и восточного участка крепостной стены,— польский корпус Понятовского. С утра началась перестрелка, слышалась редкая артиллерийская канонада, но до второй половины дня натиски французов были вялы и повсюду успешно отражались русскими войсками. В городе утро и первая половина дня прошли относительно спокойно. „Жители,— говорит очевидец, сын священника Мурзакевича, — в течение прошлого дня свыклись с выстрелами и были покойны".[11] Липранди, офицер штаба шестого корпуса, рассказывает, что до трех часов дня в городе „было все спокойно: трактиры и кон-

ПЛАН СРАЖЕНИЯ ПОД СМОЛЕНСКОМ 17 АВГУСТА



дитерские были открыты, ресторация Чапа была полна"; даже „мороженую разносили по улицам". Офицеры штаба Дохтурова, расположившегося на башне Молоховских ворот, посылали за мороженым.[12] Около четырех часов дня внезапно французская армия бросилась со всех сторон на общий штурм Смоленска, сопровождаемый бомбардировкой города — французская артиллерия (150 орудий) одновременно открыла огонь по городу. Главный удар был направлен на Молоховские ворота крепостной стены; здесь вели атаку части корпуса Даву. Только один раз французам удалось ворваться в ворота, но четвертый егерский (стрелковый) полк контрударом в штыки выбросил их из города. Поляки корпуса Понятовского упорно штурмовали восточную окраину города и Никольские ворота крепостной стены; они добегали до самой стены и пытались взбираться на нее. К вечеру общий штурм был отбит на всех пунктах, русские полки на некоторых участках отошли из предместий к самой городской стене, но все попытки французов ворваться в город и овладеть им потерпели полную неудачу.

Около десяти часов вечера пушечная канонада и ружейная стрельба стихли, бой прекратился. Смоленск горел. В этот августовский вечер он представлял собою, по

выражению одного участника боев под Смоленском, „огромный костер церквей и домов". В центре города, вокруг Блонья, горели каменные, построенные при Екатерине II, корпуса присутственных мест, в которых размещались губернские учреждения, горело здание кадетского корпуса, горели дома по главной Молоховской улице, пылала слобода Рачевка...[13]. На улицах теснились войска и жители, попрятавшиеся во время бомбардировки и теперь спешившие выбраться из города; многие из них укрывались в огромном Успенском соборе. В память сына священника Мурзакевича, тогда двенадцатилетнего мальчика, врезалась такая картина. Поздно вечером Мурзакевич с детьми вышел из собора, где нашел себе убежище, чтобы взять из квартиры оставшееся там имущество. „Когда мы проходили по улице Большой, то должны были пробираться между голов и ног какого-то егерского полка, расположившегося по Соборной и Троицкой улицам; но никто нам ни слова не сказал: сон и изнеможение их до того были, что на каменной мостовой спали многие беспробудно..."[14].

Еще утром 17 августа вторая армия Багратиона отошла от Смоленска по Московской дороге к Соловьевой переправе через реку Днепр. Багратион отходил в уве-

ренности, что первая армия будет отстаивать Смоленск. Между тем, Барклай вечером 17 августа принял решение сдать город Наполеону. Он уклонился от генерального сражения, отказался от попыток атаковать неприятеля, а при таком условии удерживать за собою разрушенный Смоленск, по справедливому замечанию ген. Ермолова, „было совершенно бесполезно".[15] В час ночи с 17 на 18 августа Дохтуров получил приказ об отступлении. Полки шестого корпуса оставили город, с войсками бежали жители, всю ночь продолжавшие покидать Смоленск; мост через реку Днепр был взорван. Однако весь день 18 августа первая армия оставалась на правом берегу Днепра, на Петербургской дороге, в виду Смоленска; ее арьергард еще занимал заднепровскую часть города. Целый день 18 августа продолжалась частая перестрелка через Днепр между французами, занимавшими верхнюю часть города на левом берегу Днепра, и русскими стрелками, оставшимися на правом берегу. В этот день Заднепровье было охвачено пожаром, прекратившимся только к полуночи. Лишь в ночь с 18 на 19 августа первая армия двинулась с Петербургской дороги на Московскую, чтобы следом за второй армией отступать к Москве. Переход происходил в ночной темноте по кривым, малознакомым про-

селочным дорогам. В результате, одна из двух колонн первой армии заблудилась и утром 19 августа очутилась у дер. Гедеоновки, под самым городом. Возникла угроза, что заблудившаяся колонна будет смята и разгромлена французскими войсками, уже переправившимися на правый берег Днепра. Необходимость задержать французов привела к упорному бою 19 августа у Гедеоновки, Валутиной горы и Лубина. На всех этих позициях русский арьергард последовательно сдерживал натиск неприятеля и дал возможность войскам первой армии благополучно выйти на Московскую дорогу и отступить к Соловьевой переправе. Наполеон не руководил этим сражением, находясь весь день в Смоленске, а его маршалы — Ней, Мюрат и Жюно — действовали без единого плана, крайне несогласованно и недружно, и этим очень облегчили тяжелую задачу русского арьергарда.

Так закончилась смоленская операция, длившаяся с 3 по 19 августа 1812 года — от соединения русских армий в Смоленске до сражения 19 августа в окрестностях Смоленска. Каковы были ее итоги? Намеченный Наполеоном план внезапного захвата Смоленска в тылу у русской армии потерпел полное крушение, Наполеону не удалось ни отрезать русскую армию от Москвы, ни

разгромить ее. Все попытки французов взять Смоленск также оказались неудачными — Смоленск не был взят французской армией, он был оставлен русскими. Клаузевиц, анализируя действия Наполеона под Смоленском, считает, что „в данном случае мы имеем дело с самым непостижимым явлением во всей кампании"; в частности, „является непонятным, зачем ему понадобилось брать этот город штурмом". Он совершенно справедливо указывает на то, что Наполеону достаточно было бы переправить часть своей армии через Днепр выше Смоленска или хотя бы произвести только демонстрацию такой переправы, чтобы русское командование, опасаясь быть отрезанным от Москвы, сдало Смоленск без боя.[16] Французская армия понесла в боях за Смоленск бесполезные и бессмысленные потери. Что касается командования русской армии, то и оно в смоленской операции не оказалось на должной высоте. После соединения армий в Смоленске оно потеряло из виду противника, сделало нерешительную и бестолковую попытку перехода в наступление, причем едва не потеряло Смоленска и не привело армию к тяжелому поражению. В сущности, только благодаря случайности Раевский успел занять Смоленск прежде, чем в нем оказались французы. Наконец, оно не сумело организовать

и отступление русской армии от Смоленска, вследствие чего части первой армии грозило поражение за Смоленском. Даже Богданович, официальный историк царской России, был вынужден дать отрицательную оценку действиям русского командования под Смоленском: „оставя без внимания левый берег Днепра и направя главные свои силы по правой стороне этой реки, мы подвергли крайней опасности — сперва отряд Неверовского, а потом корпус Раевского..., упустили неприятеля из виду, позволили ему обойти нас врасплох с левого фланга и едва не были отрезаны от сообщения с Москвою и с южными областями империи".[17] Зато русские солдаты сражались под Смоленском с небывалым еще в эту войну одушевлением и упорством, они буквально рвались в бой — об этом есть ряд свидетельств офицеров русской армии, участников Отечественной войны. Героически дрались солдаты Неверовского под Красным, солдаты Раевского и Дохтурова под стенами Смоленска.

В шесть часов утра 18 августа французская армия вступила в Смоленск; она входила в город через Молоховские и Никольские ворота крепостной стены. Наполеон въехал в Смоленск через Никольские ворота около восьми часов утра. Он остановился в доме смоленского губернатора

возле Блонья, его гвардия расположилась биваком на Блонье. Неаполитанский король Мюрат занял каменные двухэтажные архиерейские покои (оба здания сохранились до настоящего времени). „Въезд Наполеона в Смоленск был еще более зловещ, чем это было даже в Вильно", — говорит в своих записках Жомини — участник похода в Россию. „Все рассчитывали войти в город, изобилующий всем необходимым, и здесь отдохнуть как следует. Город представлял из себя лишь огромный костер, покрытый трупами и ранеными. Пожар... уничтожил половину города, жители бежали". „Мы найдем здесь новую Испанию", — добавляет автор этих строк под впечатлением разрушенного и опустевшего Смоленска.[18] „В два часа,—рассказывает капитан Франсуа, — гренадеры нашей дивизии входят в Смоленск; все улицы в огне и наполнены мертвыми и ранеными..."[19]. „Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск,—пишет в своем дневнике офицер „великой армии" Ложье,—являются дымящиеся развалины домов, лежащие вперемешку трупы своих и врагов засыпают в общей яме".[20] „На другой день мы вошли в Смоленск; мы шли среди развалин и трупов..." (Лабом).[21] Так отразилось в памяти участников русского похода вступление французской армии в Смо-

ленск — брошенный жителями, разрушенный и сгоревший город, заваленный жертвами недавнего жестокого боя. Наполеон оставался в Смоленске шесть дней. В Смоленске Наполеон беседовал с русским генералом Павлом Тучковым, раненым и взятым в плен французами в сражении 19 августа. Он говорил Тучкову о своем желании заключить мир с русским императором.

Наполеон не остановился в Смоленске. Его армия заняла обширную территорию, опустошенную и покинутую населением; русская армия, хотя и отступавшая, не была разбита и упорно сражалась при каждой встрече с противником, война до сих пор не принесла победы — при таком положении дела он не мог остановиться в Смоленске, ему не оставалось ничего другого, как итти дальше вслед за русской армией, отходившей к Москве. 24 августа Наполеон выехал из Смоленска. Французская армия двинулась по Московской дороге, навстречу Бородину и московскому пожару... Наступил период французской оккупации Смоленска, продолжавшийся три месяца — с 18 августа по 17 ноября 1812 года. В эти три месяца в городе насчитывалось, по свидетельству смоленских историков В. Вороновского и В. Грачева, всего около тысячи человек жителей; точных данных о количестве остав-

шегося населения не сохранилось. Губернатор и архиерей, крупные чиновники, помещики и богатые купцы, почти все смоленское духовенство — успели выехать из города. Остались преимущественно городские мещане и мелкие чиновники, люди малоимущие и бедные, захваченные врасплох военной грозой. Оставшийся в Смоленске чиновник смоленской духовной консистории Николай Великанов, по окончании французской оккупации привлеченный к ответственности за работу в учрежденном наполеоновской администрацией муниципалитете, показывал впоследствии на допросе, что он был вынужден остаться в городе в момент оставления его русскими войсками по следующим причинам. Во-первых, о выезде жителей из Смоленска „ни от светского, ни от духовного начальства приказания не слыхал"; во-вторых, войско уверяло жителей, что город отдан не будет; в-третьих, жена была больна лихорадкой, а сын — шестилетний („мне отбыть из Смоленска, оставя их без присмотра, весьма прискорбно и даже невозможно было", — говорил Великанов); в-четвертых, „самый недостаток не дозволял мне нанять подводу, да и сыскать оной в тогдашнее время уже было негде, а пеших вести жену больную и сына малолетнего неможно было...".[22] Участь Великанова была во многих отношениях,

несомненно, типична для оставшихся в городе смолян. Многие жители, подобно Великанову, не выбрались во-время из Смоленска потому, что не слыхали приказа властей о выезде жителей из города (такого приказа и не было издано), вследствие уверенности в том, что город не будет сдан неприятелю; наконец, потому, что в момент сражения под стенами Смоленска и общего бегства населения они по бедности и недостатку средств уже не имели возможности нанять лошадь и подводу для выезда из города и, обремененные семьей, не решились бежать пешком. Большая вина падает в этом случае на гражданскую администрацию Смоленска и командование русской армии, которые не только не обеспечили своевременной эвакуации населения города, но даже препятствовали ей. Как мы знаем, губернатор Аш еще в июле приказал закрыть городские заставы и не выпускать выезжающих из Смоленска. Военное командование, имевшее полную возможность предупредить население о грозящей ему опасности и обеспечить эвакуацию города в течение тех двух недель, которые протекли от соединения русских армий в Смоленске до сражения 16 и 17 августа, не только не приняло никаких мер в этом направлении, но также запретило выезд жителей из Смоленска. Че-

рез два дня после соединения армий главнокомандующий Барклай-де-Толли получил донесение смоленского уездного предводителя дворянства Воеводского о том, что губернатор собрался вывозить в Москву архивы и чиновников. „Главнокомандующий горячо сие принял: губернатору строгий выговор сделал и приказал ничего с места не вывозить; через полицию в полчаса у всех штатских билеты отобраны и ни единого из жителей, с имением уезжающих, в заставах не выпущали. Сия строгость продолжалась по 4 (16) августа".[23] Дорого заплатили смоляне за беспечность и нераспорядительность гражданских и военных властей. Те из них, которые сумели и успели выехать из города, испытали все ужасы поспешного бегства из родных гнезд под грохот пушек, потеряли большую часть имущества и были разорены; те, которые остались в Смоленске, вынесли на себе всю тяжесть и все невзгоды французской оккупации...

В первые дни после вступления французской армии в Смоленск многие из жителей, оставшихся в городе, продолжали укрываться в соборе, в котором они нашли себе убежище вечером 17 августа, в момент штурма и бомбардировки Смоленска. По свидетельству современника, в соборе „до того собралось людей с пожитками, что трудно

было в некоторых местах проходить. Около собора жители варили себе пищу".[24] 25 августа французские власти велели жителям оставить собор и вернуться в дома. Некоторые, покинув свое временное убежище, не нашли своих домов, погибших в пожаре 17 августа, у других дома и квартиры были целы, но имущество разграблено французскими солдатами. У известного нам чиновника Великанова, например, дом остался цел, но разорен — одежда, хлеб и посуда расхищены; уцелели только, по его собственному показанию, сюртук фризовый, женина ветхая шуба, книги и образа. Часто дома горожан оказывались занятыми под квартиры французских офицеров и солдат: так, семья священника Мурзакевича, вернувшись из собора в свой дом, была вынуждена поселиться в амбаре, так как дом был занят каким-то полковым командиром наполеоновской армии.[25] В первое время французской оккупации оставшиеся жители питались, как рассказывает в своем дневнике Мурзакевич, ввиду отсутствия в городе хлеба, главным образом яблоками и овощами, на которые в том году был обильный урожай в смоленских садах и огородах, а также подбирали остатки от французских боен. Позднее, в сентябре, в Смоленск стали подвозить хлеб и другие продукты могилевские жители и

окрестные крестьяне; последние, по словам того же Мурзакевича, — „понуждаемые комиссарами (назначенными французской администрацией), под страхом взыскания". В середине сентября в Смоленске существовали следующие цены на предметы питания: булка хлеба из муки, смешанной с отрубями, весом в 15 фунтов, стоила от двух рублей 50 копеек до четырех рублей, фунт хлеба — 5 копеек, фунт говядины — до 12 копеек, чарка водки — 25 копеек. Но, добавляет Мурзакевич, отметивший эти цены в своем дневнике, „такая дешевизнь была недолга". Под 22 сентября он записывает: „Хлеб редок и дорог, едим картофель и всякую зелень..."[26]. Недостаток продуктов и полуголодное существование оставшегося населения в соединении с необходимостью пользоваться зараженной трупами и разными отбросами водой из колодцев и реки Днепра привели к появлению в городе эпидемии кровавого поноса, которая уже в начале сентября стала свирепствовать не только среди горожан, но и среди солдат французского гарнизона. „Нечистота повсеместная и вонь от трупов, по местам не прибранных; от обгорелых зданий тоже распространялся по городу смрад" — осталось в памяти сына Мурзакевича.[27] Об этом же говорит и письмо французского офицера Пюибюска, писанное из Смоленска

в конце августа. Тела умерших, сложенные кучами на дворах и в садах, „начали уже гнить; нестерпимая вонь на всех улицах, она еще более увеличивается от городских рвов, где до сих пор навалены большие кучи мертвых тел, а также множество мертвых лошадей покрывают улицы и окрестности города. Все эти мерзости, при довольно жаркой погоде, сделали Смоленск самым несносным местом на земном шаре".[28]

В продолжение всех трех месяцев французской оккупации Смоленск постепенно выгорал. Часто, почти ежедневно, в городе случались пожары. Летопись этих пожаров, медленно и неуклонно уничтожавших Смоленск, содержится в дневнике Мурзакевича. 19 августа сгорело семь дворов купечёских и каменных лавок в Одигитриевском приходе. 21 августа „погорели у Одигитрии дворы Демьяновского, Базыкина и Пухнатовых". На следующий день, 22 августа, в Донщине, у Казанской церкви, сгорело до двадцати дворов. 23 августа сгорело десять домов в Вознесенском приходе и в Богословской слободке. 24 августа, ночью, в Офицерской слободе сгорел дом подполковника Бобровникова. 26 августа, тоже ночью, в Солдатской слободе сгорели три дома и деревянная церковь Всех святых. 6 сентября „в Казанском приходе от французских хле-

бопеков выгорело пять дворов"; в тот же день больные французы, очевидно по неосторожности, сожгли два дома в Одигитриевском приходе, четыре дома — в Спасском и Егорьевском приходах. 8 сентября на Егорьевском ручье сгорело два дома. 10 сентября у Одигитрии сгорела баня, принадлежавшая кондитеру Козлову. 11 сентября в Офицерской слободе пожар уничтожил четыре дома. 19 сентября в Солдатской слободе сгорел дом. 22 сентября Мурзакевич записал: „Тишина и редкие пожары..."[29].

Можно не сомневаться в том, что на всем протяжении оккупации горожане немало терпели от насилий и произвола французского гарнизона, размещенного в Смоленске. Впрочем, бесчинствовали, повидимому, солдаты не французских по своему национальному составу частей. По крайней мере, Мурзакевич определенно утверждает, что „французы народа не обижают, зато поляки и баварцы бьют и грабят жителей".[30]

Таким образом, жизнь в занятом французской армией Смоленске не налаживалась. Город, лежавший в развалинах после бомбардировки и пожара 17 августа, чуть не каждый день горел; трупная вонь заражала воздух; нехватало продуктов, хлеб был редким и дорогим предметом; свирепствовала эпидемия; неприятельские солдаты насиль-

ничали и грабили оставшихся жителей. А между тем, далеко за пределами Смоленска в это же время возникали какими-то путями совершенно фантастические представления о том, что делается в Смоленске. Так, в сентябре 1812 года в Петербурге некий коллежский ассесор Игнатович рассказывал одному лакею, что „француз, овладевши Смоленском, всем объявил вольность" с уплатой „своим господам оброку в год по 1 руб. 50 коп. Богатых обирает, бедным дает". Жен тех господ, которые успели уйти, „свои люди наказывают розгами".[31] Все это, конечно, совсем не соответствовало действительности.

Несмотря на все невзгоды и неустроенность жизни, оставшиеся в Смоленске жители понемногу примирились со своей участью и даже с французской властью. Большую роль в данном случае сыграл факт вступления Наполеона в Москву, который вскоре стал известен в Смоленске. „Мы слышали (вспоминал впоследствии сын священника Мурзакевича, вместе с отцом переживший в городе тяжелые месяцы неприятельской оккупации), что было сильное сражение под Можайском; потом узнали, что Москва занята, и жители совершенно были уверены, что наш город совершенно подпал под владычество Франции..."[32]

Покидая Смоленск для похода на Москву, Наполеон оставил в Смоленске свою гражданскую и военную администрацию. Во главе французской администрации стояли: интендант Смоленской губернии (эту должность в течение всего периода оккупации бессменно занимал генерал Виллебланш), военный губернатор (на этом посту последовательно сменяли друг друга генералы французской армии Коленкур, Шарпантье, Барбанегр, Жомини), комендант города Смоленска — Бозет и комиссар по продовольственной части — Сиов. Наиболее деятельным был интендант Виллебланш, чувствовавший себя, видимо, „хозяином губернии". Через несколько дней после выступления из Смоленска главных сил наполеоновской армии он в помощь французской администрации организовал в Смоленске муниципалитет — крайне своеобразное „самоуправление" в завоеванном и занятом неприятельскими войсками городе. Муниципалитет был открыт 27 августа 1812 года, помещался он в здании Смоленского городского магистрата, возле Одигитриевской церкви. Формирование муниципалитета производилось путем простого и прямого назначения намеченных лиц членами муниципалитета, причем назначал интендант губернии Виллебланш в форме письменного предписания

быть членом учреждаемого в городе „самоуправления". Н. Великанов, сделавшийся членом муниципалитета позже всех других, получил, например, бумагу такого содержания: „Смоленск, 21 октября 1812 г. Господину Великанову. Государь мой! Имею честь известить вас, что по определению, состоявшемуся 21 числа октября сего 1812 г., я назначил вас предварительно членом Смоленского муниципалитета на место уволенного господина Желтовского". Бумага была подписана интендантом Смоленской губернии Виллебланш.[33] Следует думать, что подобным же образом были назначены и все другие члены муниципалитета. Остается открытым вопрос о том, кто рекомендовал французскому интенданту первых кандидатов в члены муниципалитета, так как сам Виллебланш, разумеется, не мог знать никого из горожан. Мурзакевич записал в своем дневнике, что муниципалитет был учрежден из восьми членов.[34] Но протокол первого заседания подписали только семь человек. Очевидно, Мурзакевич в этом случае ошибся, и смоленский муниципалитет был создан в составе семи членов. В этот первоначальный состав городского „самоуправления" вошли следующие лица: Ярославцев, Рутковский, Чапа, Узелков, Желтовский, Ефремов, Рагулин. Виллебланш сразу же назначил главою му-

ниципалитета, мэром города — Ярославцева, генеральным секретарем муниципалитета — Ефремова. Первый был отставной чиновник, из дворян, имевший чин титулярного советника, в возрасте 60 лет; второй — учитель Смоленской гимназии (о нем подробнее мы скажем ниже). Что касается остальных членов муниципалитета, то Чапа, итальянец по национальности, содержал в Смоленске ресторан, от роду имел 64 года; Узелков — чиновник, коллежский ассесор, 66 лет; Желтовский — также чиновник и в том же чине, 65 лет; Рагулин — чиновник, коллежский регистратор, 54 лет.[35] Как видим, муниципалитет был сформирован почти исключительно из оставшихся в городе чиновников и притом людей преклонного возраста. В дальнейшем муниципалитет пополнялся; вместо уволенного по болезни Желтовского был назначен Великанов — чиновник, помощник секретаря Смоленской духовной консистории, имевший чин губернского секретаря, 42 лет; в состав муниципалитета был введен немец (смоленский уроженец), владелец булочной Брун. Постепенно муниципалитет обзавелся вспомогательным аппаратом, состоявшим из переводчиков и писцов. Переводчиками были Рейнеке, Лешевич (смоленский дворянин), Каховский (тоже смоленский помещик, от-

ставной военный в чине майора); писцами служили чиновники Попов, Ключарев, Павлов, Сниткин и 16-летний семинарист Смоленской духовной семинарии Тихон Зверев.[36] Через месяц после открытия муниципалитета, 26 сентября 1812 года, интендант Виллебланш распределил обязанности между его членами, о чем уведомил мэра Ярославцева особым отношением (оно приведено в дневнике Мурзакевича). Рутковский был назначен заместителем мэра города, Чапа — казначеем муниципалитета; на Бруна возлагалось наблюдение за мельницами и доставкой в город съестных припасов (таким образом, булочнику Бруну французский интендант поручил продовольственную часть); в обязанность Узелкова входили дела, относящиеся до благочиния деревенских жителей, и предоставление людей по требованиям французских властей; Рагулин должен был заведывать городской полицией, наблюдать за чистотой улиц и своевременным погребением трупов. Виллебланш предписывал мэру „объявить означенным господам их должности и приказать сие письмо на стене, в зале заседания муниципалитета, повесить".[37] Больной старик Желтовский не получил при этом распределении обязанностей определенной „должности", но назначенный на его место Великанов ведал квартирами,

отводя их прибывавшим в город военнослужащим французской армии. „Должность же моя состояла в том, — говорил он сам на допросе в консистории, — что показывал квартиры по присылаемым от коменданта цидулкам“.[88]

Почти целиком чиновничий по своему составу смоленский муниципалитет был вместе с тем в полной мере „подневольным“, а его члены — „подневольными муниципалами“. Подавляющее большинство из них вошло в организованное наполеоновской администрацией „самоуправление“ по принуждению, под угрозой, предварительно претерпев различные лишения и бедствия. Ярославцев своевременно не выбрался из Смоленска вследствие запрещения выезда из города; во время бомбардировки Смоленска 17 августа скрывался с семьей в погребе; при оставлении города русскими войсками нашел лошадь, чтобы вывезти семью, но лошадь отняли, и он был вынужден остаться в Смоленске. Узелков подвергался побоям, от которых оглох, а жена его от побоев умерла. Желтовский, больной, вышел из города, но через полтора километра попал в плен к французам, был возвращен в Смоленск и оказался членом муниципалитета. Великанов до своего назначения в муниципалитет „употребляем был

в работу ежедневно: возить и носить на себе воду, бить скотину на мясо, вытаскивать падлину, из лазарета выволакивал мертвых французов и в лазарет больных, очищал мерзости, неоднократно был бит..."[39]. „Жизнь же для всякого дорога — то я и явился в муниципалитет противу желания моего"; эти слова Великанова могли бы повторить почти все члены смоленского муниципалитета 1812 года.

Первое заседание муниципалитета состоялось 27 августа; оно было открыто речью на французском языке интенданта Вилльебланша, который ввел в должности мэра и членов муниципалитета. На этом первом заседании муниципалитет постановил выпустить воззвание к жителям города и окрестных деревень, приглашающее их возвратиться в свои дома, переписать сохранившиеся после бомбардировки и пожара дома, годные для жилья, и собрать сведения о живущих в них лицах. После первого заседания муниципалитет расклеил в городе упомянутое воззвание к жителям, приступил к переписи домов, решил доставить людей для починки мельниц и очистки улиц, а женщин направить в госпитали для мытья белья и приготовления корпии для раненых за плату. В дальнейшем муниципалитет должен был предоставлять по требованию фран-

цузских властей людей и подводы для разных работ, вызывать подрядчиков для ремонта мельниц, наблюдать за чистотой и порядком в городе, собирать в пользу французских властей деньги за наем домов и лавок, переводить на русский язык приказы и распоряжения наполеоновской администрации и т. д.[40] В руках французского интенданта Смоленской губернии муниципалитет должен был играть прежде всего роль вспомогательного аппарата по управлению завоеванным городом. Но муниципалитет бездействовал. Причины заключались как в общей неналаженности жизни в разрушенном и занятом неприятельской армией Смоленске, так и в нежелании подневольных „отцов города", каждый день трепетавших за свою участь и жизнь, трудиться в пользу вражеских властей. Виллебланш неоднократно понукал муниципалитет и выговаривал ему за вялость и бездеятельность. Самое распределение обязанностей между членами муниципалитета, произведенное им, было средством сдвинуть муниципалитет с мертвой точки и заставить его работать. А на другой день после этого распределения интендант сделал строгий выговор всему составу муниципалитета. „Государи мои!" — писал он его членам 27 сентября. — К крайнему прискорбию, нужно мне вас

упредить, что не могу быть довольным нерачительностью вашею к службе вашего отечества. Сего утра в начале девятого часа не находилось в муниципалитете никого из членов, даже самого мэра. Никто не трудится с усердием. Я уведомляю вас, хотя это и с прискорбием моим будет соединено, что если это продолжится, то принужден буду употребить строгие меры!.."[41]. Этот выговор был не единственным, но требования и выговоры французского интенданта мало помогали делу...

На общем фоне пассивности и бездеятельности смоленского муниципалитета резко выделяется фигура одного из его членов — генерального секретаря Ефремова. Мы не располагаем конкретными данными о деятельности Ефремова в период французской оккупации Смоленска, но для характеристики его достаточно в сущности одного известного нам факта. Виллебланш от лица императора Наполеона выдавал денежные награды членам муниципалитета (конечно, с целью возбудить их активность и рвение): мэр и его заместитель получили по 200 франков, остальные члены — от 15 до 75 франков, секретарь муниципалитета Ефремов „за особые услуги по управлению" получил 224 франка.[42] Таким образом, Ефремов получил больше, чем кто-либо другой

из членов муниципалитета, больше самого мэра. Наполеоновский интендант явно отличил его как человека, активно и добросовестно работавшего с французской администрацией.

Николай Григорьевич Ефремов был сын священника с. Великого, Лебединской округи (уезда), Слободской Украинской губернии. Учился в харьковской духовной семинарии, а затем окончил петербургскую учительскую гимназию. В Смоленске он служил с 1786 года, с момента открытия здесь главного народного училища, сначала в качестве учителя этого училища, потом — после превращения главного народного училища в 1804 году в смоленскую губернскую гимназию — в качестве учителя гимназии. В 1812 году он был старшим учителем физики и математики смоленской гимназии. Ефремов имел ученую степень доктора философии и не замыкался в рамках исключительно педагогической деятельности: известны две его литературных работы: в 1786 году он поместил в журнале „Растущий виноград" статью „Физическая причина чувствования голода", в 1810 году в Смоленске был издан переведенный им с французского „Опыт сельского домостроительства".[43] Поскольку можно судить по самой формулировке темы первой статьи, моло-

дой тогда Ефремов выступил в ней как своеобразный материалист, искавший физических, материальных корней человеческой психологии, в частности — чувства голода. Перед нами, следовательно, интеллигентный пожилой человек, четверть века проработавший в учебных заведениях Смоленска, далеко не рядовой учитель гимназии. Что заставило этого человека активно служить наполеоновским властям на поприще смоленского муниципалитета? Для ответа на этот вопрос у нас нет точных данных, и мы в состоянии в данном случае только предполагать. В начале 1813 года доктор словесных наук и философии, профессор московского университета Н. А. Бекетов был командирован университетом для осмотра учебных заведений Смоленской губернии. Директор смоленской гимназии Людоговский дал ему такую характеристику Ефремова: „Он усердно отправлял свою должность и вел себя довольно хорошо. К несчастию своему, под конец был подвержен периодически пьянству, которое вместе с его беспокойным характером делало совершенно нетерпимым в обществах...“[44]. Может быть, „беспокойный характер“ и периодическое пьянство были выражением неудовлетворенности жизнью и протеста против окружающей действительности? Может

быть, именно эти неудовлетворенность и протест понудили этого типичного разночинца, учителя гимназии из поповичей-семинаристов добросовестно служить французской администрации в Смоленске?... Как бы то ни было, но в лице Ефремова смоленская интеллигенция пошла служить завоевателям...

Следует отметить, что Ефремов является не единственным представителем тогдашней провинциальной интеллигенции, служившим французам и связавшим с ними свою судьбу. В соседней со Смоленской губернией Белоруссии учитель могилевской гимназии Жуковский после занятия Могилева французскими войсками был назначен маршалом Даву комиссаром по собиранию с жителей города печеного хлеба для французских солдат, потом служил у наполеоновского интенданта в качестве секретаря. В день именин Наполеона, отмеченных в Могилеве иллюминацией, зажженной на площади против дома губернатора, Жуковский сочинил на польском языке стихи, прославлявшие Наполеона. При отступлении французов из Могилева он бежал вместе с ними.[45]

Если деятельность учителя Ефремова в муниципалитете отразила отношение к завоевателям смоленской интеллигенции, по

крайней мере ее известной части, то отношение смоленского духовенства к французской власти нашло свое выражение в событии, главным действующим лицом которого оказался священник Мурзакевич. Никифор Адрианович Мурзакевич представлял собою, несомненно, замечательную личность в среде смоленского духовенства начала XIX века. Он был сын священника смоленского Успенского собора и родился в Смоленске в 1769 году. Учился в смоленской духовной семинарии, но смерть отца помешала ему окончить семинарский курс — нужно было содержать оставшуюся без средств к жизни семью. С 1794 года Мурзакевич — диакон смоленского собора. Молодой соборный диакон становится первым историком Смоленска. В 1798 — 1803 гг. он написал историю Смоленска — первый опыт истории этого древнего города. Благодаря покровительству смоленского генерал-губернатора гр. Апраксина, автору удалось напечатать свой труд в губернской типографии. Духовная среда отнеслась к диакону-историку враждебно: Мурзакевича прозвали „сочинителем", „пошли толки и пересуды, и потом возникла неприязнь".[46] Тогдашний смоленский архиерей Дмитрий (Устимович) не пожелал видеть „сочинителя" возле себя, в штате собора, и Мурзакевич в 1803 году получил

приход в городе, став священником Одигитриевской церкви. Он не оставил литературных занятий: незадолго до нашествия Наполеона Мурзакевич взялся за составление свода четырех евангелий на русском языке с примечаниями; этот свой труд он представил в синод, и здесь работа смоленского попа была погребена в синодском архиве. Мурзакевич имел библиотеку; она была, правда, небольшая, но едва ли кто-нибудь другой из смоленского духовенства этого времени обладал чем-либо подобным. Состав книг этой библиотеки указывает на наличие „светских" интересов у священника Мурзакевича, в частности — определенного и повышенного интереса к вопросам истории и географии. Среди книг Мурзакевича мы находим „Всеобщую историю" Шрекова, „Геологию, или рассуждение о земле", „Новейшую всеобщую географию" в трех частях, „Основание всеобщей истории", две части „Древней Российской Вивлиофики", „Историю Бранденбургскую", „Краткое землеописание Российского государства", „Обозрение Российской империи" и т. д.[47]

В дни сражения под Смоленском подавляющее большинство городского духовенства бежало из Смоленска, Мурзакевич остался: по словам его сына, „наш батюшка не мог тронуться с места, не имея ни ло-

шадей, ни денег".[48] Во время бомбардировки города 17 августа Мурзакевич с семьей укрылся в соборе и через несколько дней вместе с другими горожанами вернулся в свой дом. Он прожил в городе все тяжелые, полные лишений и тревог, месяцы французской оккупации, так ярко отразившиеся в его дневнике. В конце октября французский военный губернатор Смоленска генерал Жомини решил занять собор под хлебный магазин. Мурзакевич просил не занимать собора, и французские власти уважили его ходатайство. Вскоре после этого, как рассказывает сам Мурзакевич в своем дневнике, „кригс-комиссар Сиов, интендант Виллебланш, боясь Наполеона, что собор не занят, советовали смягчить его почетною встречею наличными духовными. То же предложил и г. Ефремов".[49] Мурзакевич согласился организовать встречу Наполеона. Он привлек к этому делу протоиерея Ильинской церкви Поликарпа Зверева и священника Спасской церкви Якова Соколова. Оба названные священника принадлежали к старшему поколению смоленского духовенства — оба священствовали с 1783 года; Зверев неоднократно занимал административные должности по духовному управлению и являлся крупной и заметной фигурой среди городского духовенства: в 1788 — 1790 гг. он был

членом смоленского духовного правления, в 1790 — 1794 гг.— членом смоленской духовной консистории, в течение тринадцати лет, с 1790 по 1803 год, он исполнял обязанности благочинного города Смоленска.[50] 8 ноября „утром, — говорит Мурзакевич, — пришли о. Поликарп и о. Яков, чтобы итти встречать Наполеона. Зайдя в собор, взяв ризы, крест, пошли к Днепровским воротам, где городское начальство ожидало...". Наполеон в этот день не приехал в Смоленск. „Продрогнув на холоде, с разрешения мы разошлись". Таким образом, торжественная встреча французского императора смоленским духовенством в облачении и с крестом не состоялась. Но на другой день, 9 ноября, Мурзакевич все же встретил Наполеона. „Идя к больному мещанину с черствою просвирою — повествует он об этом эпизоде,— нечаянно возле Троицкого моста попавшийся мне губернатор Жомини сказал мне по-латыни: Вот Наполеон идет! Наполеон у меня спросил: „pope?", я ответствовал: так. И когда ближе он подошел, я, в недоумении и страхе, вынул просвиру, которую он велел взять одному генералу". „Всего этого никто не видел",— добавляет Мурзакевич.[51] Последнее обстоятельство не помешало тому, что это событие также стало известно духовным властям и навлекло на Мурзакевича

преследование и кары. Между прочим, академик Е. Тарле в своей книге о нашествии Наполеона на Россию неточно изображает данный эпизод: „Священник Мурзакевич в Смоленске,— пишет он,— даже встретил однажды Наполеона „с крестом", выйдя ему навстречу".[52] Мы видели, что произошло в действительности.

Встреча Мурзакевича с Наполесном, закончившаяся поднесением императору Франции черствой просвиры, была, конечно, случайностью. Этого нельзя сказать о предшествующем факте. Группа смоленских священников во главе с Мурзакевичем, предварительно обдумав и подготовившись, собралась встретить французского императора. Встреча не удалась не по вине встречавших. Если бы Наполеон прибыл в Смоленск 8 ноября, он был бы встречен представителями смоленского духовенства в церковных облачениях и с крестом в руках. Мурзакевич на вопрос архиепископа Феофилакта — зачем встречал Наполеона, отвечал, по его собственным словам: „чтобы спасти храмы божии".[53] Каковы бы ни были мотивы, руководившие им лично в этом случае, объективный смысл всей этой истории совершенно ясен и не вызывает никаких сомнений: смоленское духовенство в лице Мурзакевича, Зверева и Соколова не нашло в

себе сил для отпора требованиям французских властей, пошло на соглашение с ними и готово было покорно приветствовать завоевателя у ворот города.

Дореволюционные смоленские историки вознесли священника Мурзакевича на высокий пьедестал, давая чрезвычайно высокую оценку его деятельности в 1812 году и проявленной им будто бы гражданской доблести. „В эти дни скорби,— писал В. Вороновский,— все время был на высоте своего пастырского служения священник Одигитриевской церкви Никифор Мурзакевич". Французские власти „склоняли его торжественно встретить Наполеона во главе наличного духовенства... Один бог знает, что довелось перечувствовать Мурзакевичу в его наболевшем сердце... Выбор решения был предопределен всей подвижнической натурой Мурзакевича, который свою личную судьбу принес в жертву общественному спасению. Он решил встретить Наполеона, чтобы спасти от разорения родной город и его святые храмы..."[54]. „Двенадцатый год", по мнению И. Орловского, „поставил личность о. Никифора на такой высоте нравственного долга и гражданской добродетели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уважением общества и вниманием лучших людей города. 1812 год сделал личность

Мурзакевича для исследователя нашей старины глубоко драматической, невольно приковывающей к себе внимание, вызывающей сочувствие и преклонение перед нею..."[55]. После всего сказанного выше мы, разумеется, не согласимся с такой характеристикой Мурзакевича. Он не совершил, правда, государственной измены, в чем склонны были обвинять Мурзакевича его недоброжелатели из духовной среды и духовные власти, но едва ли он был на высоте „пастырского служения" и „гражданской добродетели" в тот момент, когда собирался встречать Наполеона.

Стремление православного духовенства пойти на соглашение с французским режимом нашло себе гораздо более полное выражение в соседней со Смоленском Белоруссии. Глава Могилевской епархии архиепископ Варлаам (Шишацкий) не только сам торжественно присягнул на верность французскому императору Наполеону, но заставил сделать это подчиненное ему духовенство. Все городское духовенство Могилева и две трети духовенства Могилевской епархии принесли присягу Наполеону. Присяга самого архиерея в могилевском кафедральном соборе сопровождалась служением молебна, на котором поминалось имя императора Франции. После окончания войны Варлаам

был лишен епископского сана и доживал свой век простым монахом.[56]

В первых числах ноября в Смоленск вернулась отступавшая из Москвы французская армия. Но как мало походила она на ту армию, которая вступала в город в августе! „Наши солдаты, прибывшие из Москвы,— писал в эти дни в письме из Смоленска французский офицер Пюибюск,— закутаны иные в шубы мужские и женские, иные в салопы или в шерстяные и шелковые материи, головы и ноги обернуты платками и тряпками. Лица черные, закоптелые; глаза красные, впалые, словом, нет в них и подобия солдат, а более похожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома..."[57]. Солдаты и офицеры „великой армии" стремились в Смоленск, представлявшийся им какой-то „обетованной землей". „На этот город были с надеждой устремлены глаза всех, все горели желанием поскорее добраться до него, в полной уверенности, что за его стенами прекратятся все наши бедствия. Слово „Смоленск" переходило из уст в уста",— так говорит в своих записках один из наполеоновских офицеров. „Мы размышляли о завтрашнем дне,— вспоминал сержант Бургонь,— о прибытии в Смоленск, где, как нам обещали, должны окончиться наши мучения — ведь там мы найдем продовольствие и кварти-

ры...[458]. Смоленск жестоко разочаровал армию Наполеона. В городе не оказалось квартир, потому что Смоленск после большого пожара 17 августа постепенно выгорал в течение всего периода неприятельской оккупации. Что касается продовольствия, то французская администрация сумела заготовить известные запасы. Если бы во французской армии существовали еще дисциплина и порядок и была бы возможна организованная раздача продуктов по частям войск, то собранных в Смоленске запасов хватило бы для того, чтобы обеспечить армию на некоторое время. Но в армии больше не было ни дисциплины, ни порядка. Добравшись до Смоленска, солдаты и даже офицеры бросились разбивать и грабить продовольственные магазины. Вот какие сцены происходили на глазах у Пюибюска. „Штабофицеры выломали окошки в моей квартире и влезли ко мне, умоляя не дать им погибнуть от голода, хотя им хорошо известно, что Наполеон сам распределил, куда и как разделить провиант. Несмотря на то, что выдача провианта зависела не от меня, они так громко кричали и умоляли меня, что я не в силах был отказать, и принужден был сделать распоряжение о выдаче им хлеба, и они вышли тем же путем, каким и вошли ко мне, благодаря меня за человеколюбие,

за которое, быть может, меня через час расстреляют...". „...Офицеры немецкие и итальянские, бывшие на карауле у винных магазинов, сами выломали двери и напились вместе с другими своими товарищами; в пьяном виде они поссорились, и дело дошло до драки. Солдаты воспользовались их ссорой и сами напились; узнав о случившемся, я немедленно поспешил с солдатами к винным магазинам, опьяневшие офицеры и солдаты бросились на нас со штыками. И не малого стоило труда обезоружить их и выгнать из магазина. К несчастью, они сами себя наказали: в пьяном виде они заснули вблизи магазина и ночью замерзли, сегодня найдены их мертвые тела..."[59]. Наполеон приказал полностью снабдить продуктами гвардию, а остальные войска оказались предоставленными, по выражению Пюибюска, „воле божией". „За кусок хлеба французы взаимно дрались и даже убивали друг друга; скитались по городу оборванные, холодные и голодные",— записал в своем дневнике Мурзакевич, очевидец последних дней пребывания наполеоновской армии в Смоленске.[60]

12 ноября началось выступление французской армии из Смоленска; армия выступала из города частями, по дороге к Красному. Наполеон, прибывший в Смоленск

9 ноября, выехал из Смоленска 14 ноября, с ним вступила его гвардия. Уходя из города, солдаты польского корпуса, по свидетельству Мурзакевича, зажгли его в разных местах.

Последним покинул Смоленск арьергард „великой армии" под командой маршала Нея, который, выполняя приказ Наполеона о разрушении смоленской крепостной стены, успел перед выходом из Смоленска взорвать восемь башен. Взрывы башен начались около полуночи 16 ноября; они вызвали в городе ряд новых пожаров. Между прочим, под утро 17 ноября сгорело здание городского магистрата, в пламени этого пожара целиком погиб магистратский архив, в котором хранились документы многовекового прошлого Смоленска...

Последние солдаты Нея вышли из города в ночь с 16 на 17 ноября, а в седьмом часу утра 17 ноября, в предрассветной полутьме, в Смоленск вступил двадцатый егерский полк русской армии под командой майора Горихвостова. Французская оккупация кончилась...

В этот момент вспыхнула тлевшая до тех пор под гнетом французского режима ненависть оставшихся в городе жителей к завоевателям, заставившим их пережить столько бедствий и лишений: на рассвете

17 ноября горожане бросились на отставших от своих частей французских солдат, которых немало брело по смоленским улицам. Французов бросали в огонь горевших зданий, топили в прорубях и полыньях реки Днепра ..[61]

Сейчас же после освобождения Смоленска от неприятеля, буквально в ближайшие дни, в город начали возвращаться бежавшие жители. Уже 20 ноября Мурзакевич мог отметить в своем дневнике: „Стало появляться городское духовенство к приходам". А через два дня он записал: „Помаленьку вводится порядок. Велено на улицах жечь костры навозу от заразы".[62] Вслед за жителями в город вернулись гражданские и духовные власти. Власти спешили навести порядок в разрушенном и разоренном Смоленске и в первую очередь стали очищать город от трупов, в большом количестве валявшихся по улицам, дворам и домам — арестанты таскали их в Днепр. Возвращение жителей создало в Смоленске в самом конце 1812 и начале 1813 года жесточайший жилищный кризис — вернувшиеся на родные места беженцы теснились в немногих уцелевших от разрушения и пожаров домах. Вечером 11 марта 1813 года в Смоленск приехали профессор московского университета Бекетов, производивший осмотр учеб-

ных заведений Смоленской губернии, и сопровождавший его директор смоленской гимназии Людоговский. „Наступает темный зимний вечер, — говорит Бекетов в своем путевом журнале,— мороз усугубляется, и мы тщетно ездили по городу из дома в дом, сыскивая квартиру. Напоследок, на самом конце города, сжалился над нами и за предорогую цену пустил нас ночевать один человек, предуведомляя, что в двух комнатах должно поместиться четырнадцать человек...“[63]. Отсутствие обычных в мирные времена базаров и общая неналаженность торговли привели в это же время к небывалой дороговизне продуктов. Тот же Бекетов, проживший в Смоленске несколько дней, „самые простые и умеренные к столу потребности принужден был покупать тройною ценою противу Москвы“.

Возвратившиеся в Смоленск власти привлекли к ответственности лиц, служивших французам в период неприятельской оккупации города. Все члены смоленского муниципалитета были арестованы, Великанов, например, был взят полицией под стражу утром 28 января 1813 года прямо из канцелярии духовной консистории. Арестованных отправили в Москву, где была образована особая сенаторская комиссия для суда над лицами, „бывшими в службе у неприятеля“.

Вскоре, однако, согласно рескрипта императора Александра I от 30 марта 1813 года, подобная же комиссия была учреждена в Смоленске; она состояла из трех сенаторов — Модераха, Болотникова и Каверина и начала свою деятельность в мае 1813 года. Обвиняемые смоляне были возвращены в Смоленск для разбора их дела и суда над ними на месте. Смоленская комиссия закончила свою работу к началу июля 1813 года; она постановила оставить под стражей из членов муниципалитета только Рагулина, остальные были оправданы или освобождены на поруки (в числе последних находился и Великанов). Но нужно иметь в виду, что к этому времени уже не было в живых двух главных деятелей смоленского муниципалитета — мэра города Ярославцева и „генерального секретаря" муниципалитета Ефремова. Первый застрелился утром 25 июня 1813 года, а второй умер в феврале того же года на обратном пути из Москвы, не дождавшись разбора своего дела в комиссии сенаторов. В конце концов, высочайший манифест 30 августа (ст. стиля) 1814 года амнистировал всех, привлеченных к следствию и суду за службу французам в 1812 году. После манифеста Великанов в октябре 1814 года был принят на свою прежнюю должность помощника секретаря смоленской духовной

консистории. В этой должности „подневольный муниципал“ 1812 года прослужил еще четырнадцать лет и умер в 1828 году. Судьба других членов муниципалитета нам не известна.

Духовные власти занялись делом трех священников, так неудачно встречавших Наполеона. Смоленский епископ Ириней приказал допросить в консистории Мурзакевича, Зверева и Соколова (был допрошен также и Великанов); на допросе, состоявшемся на второй день праздника Рождества, Зверев и Соколов стремились свалить всю вину на Мурзакевича. 26 января 1813 года епископ Ириней решил передать дело священников гражданской власти, так как, по его мнению, „все трое, паче же Мурзакевич, нарушили долг верноподданнической присяги“. Рязанский архиепископ Феофилакт, назначенный синодом для временного управления Смоленской и Могилевской епархиями, согласился с мнением Иринея, а святейший синод утвердил передачу дела трех смоленских попов гражданской власти. Еще в январе Мурзакевичу, Звереву и Соколову были запрещены священнослужение и благословение рукою и у них взяты подписки о невыезде из города; подследственные священники остались без мест. Дело их поступило в комиссию сенаторов, но комиссия отказа-

лась его рассматривать на том основании, что она судила только лиц, служивших французам, а священники „не находились при должностях у неприятеля“. Сенаторская комиссия предложила направить дело в присутственные места Смоленской губернии. Весной 1814 года смоленская палата уголовного суда оправдала всех трех священников, и летом того же года они, по приказанию синода, получили свои прежние приходы.[64]

Дорого обошелся Смоленску „двенадцатый год“. Город был разрушен бомбардировкой 17 августа и почти весь выгорел. По данным смоленской консистории, в Ильинском приходе было до нашествия французов 208 дворов, осталось только шесть, „а прочие все выжжены“; в Одигитриевском приходе считалось 72 двора, осталось двадцать дворов.[65] „В разорение неприятельское сожжено в городе лучших каменных и деревянных домов 1401, лавок 317, заводов разных больших и малых до 200“,— говорит „Записка о городе Смоленске“; из 2250 обывательских домов осталось 350.[66] В. Грачев приводит другие цифры, не указывая их источника: в Смоленске сгорело 45 каменных домов, 1568 деревянных, 69 лавок каменных и 248 деревянных.[67] Общий убыток города оценивался в сумме более шести миллионов рублей того времени. Уменьшилось населе-

ние Смоленска: до наполеоновского нашествия в нем насчитывалось тринадцать — пятнадцать тысяч жителей, после нашествия осталось десять тысяч.[68] Медленно, в течение десятилетий, Смоленск оправлялся от разорения...

Город Смоленск не стал в 1812 году ареной активной народной войны с завоевателями. Подавляющее большинство населения бежало, оставшиеся в городе несколько сот жителей, придавленные тяжелой пятой французского владычества, не нашли, естественно, в себе сил для активного протеста. Не успевшие выбраться из Смоленска чиновники поневоле пошли служить в учрежденный французской администрацией муниципалитет. Смоленское духовенство обнаружило склонность пойти на соглашение с оккупантами и готово было встретить завоевателя у ворот города. Зато вокруг Смоленска, на территории Смоленской губернии, высоко поднялась волна подлинной войны народных масс против вражеского нашествия, войны, главной действующей силой которой было смоленское крестьянство. В то же время в пределах губернии широко разлилось движение крепостных крестьян против крепостного права и крепостников-помещиков, „мужицкое“ движение против господ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

[1] Дневник свящ. Н. А. Мурзакевича 1776 — 1834 гг. Приложение к книге Н. Мурзакевич. История гор. Смоленска. Юб. изд. Смол. губ. стат. ком-та под ред. И. И. Орловского. Смоленск, 1903, стр. 53.

[2] Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 года. Изд. 3-е, СПБ. 1843, ч. I, стр. 243.

[3] В. Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губ., стр. 72.

[4] Жизнеописание свящ. Н. А. Мурзакевича, составл. сыном его И. Мурзакевичем. „Смоленская старина", вып. II. Смоленск, 1912 г., стр. 185—186.

[5] Записки А. П. Ермолова о войне 1812 г., стр. 47.

[6] А. Жиркевич. И. С. Жиркевич и его воспоминания о Смоленске. Изд. Смол. губ. стат. ком-та. Смоленск, 1904, стр. 28.

[7] Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 57.

[8] Записки А. П. Ермолова о войне 1812 г., стр. 53.

[9] Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 59.

[10] „Смоленская старина", вып. II, стр. 189.

[11] Там же, стр. 189—190.

[12] В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников, вып. II, Вильно, 1903, стр. 12.

[13] Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 60.

[14] „Смоленская старина", вып. II, стр. 195.

[15] Записки А. П. Ермолова о войне 1812 года, стр. 57.

[16] Клаузевиц. 1812 год, стр. 80—81.

[17] Богданович. История Отечеств. войны 1812 г., т. I, стр. 249—250.

[18] Французы в России, ч. I, стр. 92.

[19] Там же, стр. 95.

[20] Там же, стр. 103.

[21] Там же, стр. 103.

[22] „Смоленская старина", вып. II, стр. 250—251.

23 Письмо Н. Мурзакевича к Е. Криштофовичу. Приложение к дневнику Мурзакевича, стр. 81.
24 „Смоленская старина", вып. II, стр. 200.
25 Там же, стр. 204, 251.
26 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 61, 64—65.
27 „Смолеиская старина", вып. II, стр. 205—206.
28 Письма французского офицера из гор. Смоленска в 1812 году, изд В. Грачевым. Смоленск 1911, стр 5—6.
29 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 61—64.
30 Там же, стр. 64.
31 В Семевский. Волнения крестьян в 1812 году и связанные с Отечественной войною. Отечественная война и русское общество. Юб. изд. М. 1912, т. V, стр. 92.
32 „Смоленская старина", вып. II, стр. 206.
33 Там же, стр. 252.
34 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 62.
35 В. Вороновский. Отечеств война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 313 -317.
36 Там же.
37 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр 63.
38 „Смоленская старина", вып. II, стр 251.
39 Там же, стр. 251.
40 В. Вороновский. Отчеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 302—303. См. также „Смоленск под управлением французов в 1812 году". „Русская старина" 1901 г. Апрель, стр. 139—144.
41 В. Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 305.
42 Смоленск под управлением французов в 1812 году. „Русская старина" 1901 г. Апрель, стр. 142.
43 Биографические данные о Ефремове см. у М. Аксенова „Историческая записка о Смоленской губернской гимназии", ч. 1-я. Приложение к „Памятной книжке Смоленской губ. на 1912 год".

44 Н. Попов. Осмотр Н. А. Бекетовым смоленских училищ по нашествии Наполеона. „Русский архив" 1879 г., кн. III, стр 86.

45 Акты, документы и материалы для полит. и бытовой истории 1812 г. Под ред. К. Военского, т. III. Сборник Русск. исторического общества, т. 139, стр 138—142.

46 Жизнеописание свящ. Н. А. Мурзакевича. Сост. сыном его И. Мурзакевичем. „Смоленская старина", вып. II, стр 181—182.

47 „Смоленская старина", вып. II, стр. 278—279.

48 Там же, стр. 187.

49 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 66.

50 „Смоленская старина", вып. II, стр. 262—263, 264.

51 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 66.

52 Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год, стр. 193.

53 Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 68.

54 В Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 290, 296.

55 И. Орловский Свящ Н. А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 году. „Русская старина", 1903 г. Апрель, стр. 106.

56 Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Под редакц. К. Военского, т. III. Сборник Русского исторического общества, т. 139. См. „Дело могилевского архиепископа Варлаама".

57 Письма французского офицера из г. Смоленска в в 1812 году, изд. В. Грачевым. Смоленск, 1911, стр. 14.

58 Французы в России, ч. II, стр. 209, 213.

59 Письма франц. офицера из г. Смоленска в 1812 году, стр. 15, 18.

60 Дневник Н. А Мурзакевича, стр. 68.

61 В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 году. Смоленск, 1912, стр. 173—174.

[62] Дневник Н. А. Мурзакевича, стр. 68.

[63] Н. Попов. Осмотр Н. А. Бекетовым смоленских училищ по нашествии Наполеона. „Русский архив" 1879 г., кн. III, стр. 77.

[64] Об участи членов Смоленского муниципалитета и священников Мурзакевича, Зверева и Соколова по окончании французской оккупации — см. В. Вороновского „Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии", В. Грачева „Смоленск и его губерния в 1812 году", „Смоленская старина" вып. II („Дело священников Мурзакевича, Зверева и Соколова").

[65] „Смоленская старина", вып. II, стр. 296—297.

[66] Там же, стр. 35.

[67] В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 г., стр. 203.

[68] „Смоленская старина", вып. II, стр. 35, В. Грачев стр. 203.

ГЛАВА IV

НАРОДНАЯ ВОЙНА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ

Вопреки мнению дворянских историков Отечественной войны, утверждавших, что участие народа в войне началось только с того момента, когда французская армия вступила в границы коренной России — в Смоленскую губернию, народная война против Наполеона поднялась впервые на территории Литвы и Белоруссии. Литовские и белорусские крестьяне первыми выступили против завоевателей. Крестьянство Смоленской губернии подхватило и продолжило народную борьбу против наполеоновских полчищ. Что послужило причиной народной войны, с которой Наполеон встретился с первых же своих шагов в пределах России?

Мы помним слова В. И. Ленина об империалистических войнах Наполеона, породивших национально-освободительные войны против империализма наполеоновской Франции. Борьба русского народа в 1812 году

представляла собою именно такую национально-освободительную войну народных, в первую очередь — крестьянских, масс России против грозного завоевателя, угрожавшего независимости и самостоятельности русского государства. Империалистский, завоевательный и грабительский характер войны, внесенной французским императором в пределы Российской империи, явился основной причиной народной войны в России в 1812 году. Для русских народных масс этот характер войны со стороны Наполеона сразу же после вторжения „великой армии" в Россию непосредственно сказался в двух формах: во-первых, французы на своем пути беспощадно грабили и разоряли страну и ее население, во-вторых, они несли с собою сохранение зависимости крестьян от их господ-помещиков, сохранение крепостного права и крепостнической эксплоатации.

Французская армия стала грабить, еще находясь на территории Варшавского герцогства; после перехода через русскую государственную границу грабеж усилился, приняв огромные размеры. „Мы вступили в Польшу. С этого времени начался ужаснейший грабеж",— говорит в своих записках один из наполеоновских офицеров. Накануне перехода через реку Неман „опустошены были всякие припасы из амбаров, житниц,

кладовых и печных труб". В Ковно „гвардия грабила магазины и частные дома. Жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестностям". В Вильно „все дома предместья были разграблены и покинуты". В местечке Гроках толпа евреев умоляла французских офицеров „избавить их от алчности солдат, которые забирались во все дома и разоряли их, похищая все, что попадалось под руку".[1] Французские войска,— жаловался в своем письме виленский помещик Эйсмонт,— „заняв окрестности города (Вильно), истребили тотчас прилежащие к оному обывательские дачи, а в числе оных и мою, забирая всякую находившуюся в оной провизию, скот, лошадей, всякое движимое имущество, истребляя двери, окошки и мебель; кавалерия скосила всякого рода дворовый и крестьянский хлеб для корма лошадей".[2] Перед нами картина настоящего погрома, учиненного французскими солдатами в помещичьих имениях под Вильно. В соседней Гродненской губернии наполеоновские солдаты не только грабили, но и убивали жителей. „18 июля из Мереча в казенную деревню Бершты прибыл отряд французского войска. Солдаты изранили казенных крестьян, взяли с собой большую часть их имущества и отправились в другие деревни". „28 июля отряд Вестфальского вой-

ска остановился в местечке Щучине, и хотя солдатам дано все, что они требовали, однако они, с согласия своих офицеров, варварски начали грабить дома и с одиннадцати часов вечера до самого почти утра стреляли по жителям" (убито трое, ранено два человека, избитых множество). „8 августа, в двенадцать часов утра, 25 человек саксонцев с обнаженными саблями и штыками напали на село Кобедзиче, владелец оного Оскерка от испуга умер. Саксонцы же, разграбив село, удалились в другие поместья". В местечке Каменка французский отряд „повсеместно замки разломал, расхитил возможные вещи, молоко, сыр, масло, сено, овес в снопах, лошадей и проч. Французы били саблями крестьян, стреляли по ним и ранили двадцать человек, при выходе взяли с собою 23 лошади..."[3]. В страну ворвался враг, грабивший, разорявший и убивавший на своем пути...

Этот враг нес на своих штыках сохранение и укрепление крепостного рабства русских крестьян. Наполеоновское правительство представляло собою „буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии" (И. Сталин). По удачному выражению барона Дедема, слу-

жившего под знаменами Наполеона, „для него (Наполеона) было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно было проповедывать революцию в России".[4] А что первая же попытка объявить освобождение русских крестьян от крепостной зависимости немедленно вызовет всероссийское восстание помещичьих крепостных рабов — это Наполеон понимал хорошо. Он не сделал такой попытки... Накануне войны народная масса в России связывала иногда с французским нашествием свои надежды на „волю", на освобождение от крепостного ярма. Так, например, в Москве в марте 1812 года как-то встретились и беседовали два крепостных дворовых человека, Иванов и Медведев. Иванов говорил о своем желании бежать от господ. „Медведев возразил: „Погоди немного,— и так будем все вольные: французы скоро возьмут Москву, а помещики будут на жалованье". Иванов, услышав это, сказал: „Дай бог, нам тогда лучше будет..."[5]. С началом войны эти надежды должны были рассеяться, как дым.

Сразу же после перехода через русскую границу Наполеон стал на защиту крепостных порядков. Его генералы и создаваемая им в занятых французской армией областях администрация прежде всего стремились успокоить местных дворян относительно сохра-

нения за ними всех их крепостнических прав на крестьянский труд и всей полноты их власти над крепостными, а крестьянам внушить мысль о необходимости попрежнему повиноваться господам и работать на них; при этом они угрожали крестьянам строгими карами. Первого июля Наполеон учредил в городе Вильно временное правительство Великого Княжества Литовского, власть которого распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую и Белостокскую губернии. Уже 6 июля это правительство выпустило воззвание „к городским, уездным и сельским властям". В нем объявлялось:

„1. Все крестьяне, жители местечек и деревень, оставившие при проходе войск свои дома, обязаны вернуться в оные и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей.

2. До объявления во всеобщее сведение других распоряжений все крестьяне, и вообще сельские жители, обязаны повиноваться помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам, их заступающим; обязаны ничем не нарушать собственности, исполнять все предписанные им работы и повинности, исполнявшиеся ими до сего времени.

3. Неисполнившие этого или исполняющие свои обязанности дурно, по докладу

сельских властей подлежат увещеванию, наказанию и принуждению к выполнению этих обязанностей при посредстве уездных властей и даже воинской силы, если того потребуют обстоятельства".[6]

7 июля Временное правительство обратилось с особым воззванием „к помещикам и землевладельцам Великого Княжества Литовского", в котором убеждало их: „спокойно оставайтесь в домах ваших, собирайте разбежавшихся жителей и старайтесь внушать им, сколь необходимо заниматься земледелием и отправлять предписанные договорами повинности". В тот же день было издано также обращение к духовенству Виленской епархии; в нем духовенству предписывалось уговаривать крестьян „продолжать земледельческие занятия и возвратиться в свои дома, спокойствие коих на будущее время обеспечено. Необходимо также немедленно возобновить постоянное отправление обыкновенных дворовых повинностей (барщины), ибо в этом залог продовольствия и благосостояния самих же крестьян в будущем году..."[7].

Курляндия была занята прусским вспомогательным корпусом, входившим в состав „великой армии". Командовавший этим корпусом генерал фон-Граверт опубликовал 25 июля следующее объявление: „Ходят слухи,

что среди тягловых сельских жителей здешней провинции стало распространяться ложное мнение, будто наступившее военное положение и присутствие прусских войск должно избавить поселян от обязанностей по отношению к их помещикам. Чтобы опровергнуть это ложное мнение, я сим объявляю, что впредь до высшего приказания не предполагается никакой перемены как в устройстве означенной провинции, так и в отношениях между господами и подданными, и что Прусский корпус, вместо того, чтобы нарушить эти отношения, намерен, напротив, энергично поддержать таковые, а равно и порядок, и строго наказать всякого, позволяющего себе их нарушение".[8]

В город Могилев вступили войска маршала Даву. 23 июля Даву обратился с речью к представлявшимся ему могилевским чиновникам и дворянам. Сначала он выразил удивление, что „не находит в здешней губернии того энтузиазма и польского духа, который он зрел в прочих губерниях", а закончил свою речь „обнадежением, что крестьяне останутся попрежнему в повиновении помещикам своим..."[9].

Наконец, после занятия французской армией Смоленска среди населения Смоленской губернии появилось воззвание наполеоновской администрации к „смоленским обы-

вателям", в котором говорилось: „господа помещики и прочие землевладельцы, явитесь и имейте доверие к нашему правлению. Вы будете спокойны, в чем уверит вас французский император и восстановит прежний порядок... Крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь без всякого страха вашими работами, французские войска вам уже не будут больше мешать... Французское правительство ожидает от вас привоза в город по-прежнему хлеба и прочих жизненных продуктов, за которые вы будете получать выгодную плату и большие деньги от самого французского императора; он в настоящее время пребывает в ожидании от вас повиновения и покорности..."[10].

Повсюду — в Литве, Курляндии, Белоруссии, Смоленской губернии — наполеоновские генералы и власти утверждали „прежний", крепостной строй жизни деревни и требовали от крестьян повиновения и покорности помещикам и работы на них на барщине.

Когда в августе месяце 1812 года армия Наполеона вторглась в границы Смоленской губернии, смоленское крестьянство поднялось на врага, но одновременно оно поднялось и против господ, против давившего его крепостного ярма...

Дворянские историки войны 1812 года

отрицали борьбу крестьян против крепостников-дворян в грозную годину нашествия: по мнению Михайловского-Данилевского, народ обнаружил „самое слепое повиновение и трогательные примеры привязанности к помещикам“; Богданович говорил о слиянии всех русских в „одну семью“. Им вторил историк Отечественной войны в Смоленской губернии Вороновский: „...крестьянство сблизилось с своими господами... забыта была на время сословная рознь с ее противоречивыми интересами...“. На самом деле „классовая борьба крестьян против помещиков не затухала в стране. В 1812 году произошел ряд крестьянских восстаний против крепостного гнета“.[11] Следует добавить, что крестьянское движение против крепостничества особенно широко разлилось в год Отечественной войны в районах, подвергшихся вражескому нашествию, и соседних с ними. Это понятно — вторжение неприятельской армии естественно и неизбежно разрушало обычный строй жизни, разрушало налаженные крепостные порядки и тем самым содействовало проявлениям народного протеста против крепостной неволи. „Белоруссия была в июле и августе 1812 года прямо охвачена бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания“.[12] С августа месяца „мужиц-

кое" движение против господ и крепостного гнета охватило и Смоленскую губернию.

Общая почва этого движения заключалась в том, что Смоленская губерния представляла собою одну из наиболее крепостнических областей Российской империи. Накануне отмены крепостного права в России крепостные (крестьяне и дворовые) составляли 69,07 проц. всего населения Смоленской губернии, губерния занимала первое место в империи по высоте „крепостного процента", по количеству крепостных душ. Вместе с тем, Смоленская губерния была перед реформой 1861 года ярко барщинной — в ней решительно господствовала барщинная система помещичьего хозяйства, барщинная, наиболее тяжелая для крестьян форма крепостнической эксплоатации: оброчные крестьяне составляли только 27 проц. всех крепостных помещьичьих крестьян в губернии, в то время как барщинные — 73 проц.[13] Можно думать, что на сорок — сорок пять лет ранее, в эпоху нашествия Наполеона, общая картина была такой же — в Смоленской губернии была сосредоточена масса крепостных „душ", томившихся на барщине. При таком положении дела война, сопровождавшаяся бегством самих господ и местных властей, стоявших на страже крепостных порядков, должна была неминуемо вызвать

настоящий взрыв антипомещичьего и антикрепостнического движения среди крестьянских масс губернии.

В уездах Смоленской губернии, лежавших на пути наступления французской армии, почти все помещики при приближении неприятеля бежали, покидая свои усадьбы. Пользуясь этим, крестьяне, остававшиеся на местах, поднимались и громили господские имения. В числе многих других дворян в начале августа уехал из своей вотчины в Дорогобужском уезде в город Нижний-Новгород богатейший помещик Иван Иванович Барышников. Вскоре после отъезда барина его крепостные учинили полный разгром господского имения. В разгроме приняли участие восемь деревень Будянской вотчины — Подопхай, Баканово, Заборье, Марково, Пустошка, Верегово, Потапово и Чесноковка, всего 95 дворов и 813 душ (имеются в виду только мужские души). В господском доме в с. Буды крестьяне вынули во всех окнах рамы со стеклами, вьюшки в печах, сняли двери, разобрали иконы, всю мебель (столы, стулья) и все это развезли по своим избам. В помещичьих амбарах были сняты все двери, вырублены завесы, крючья, пробои, внутренние и наружные висячие замки и также развезены крестьянами по деревням. Было разгромлено помещение вотчинной кон-

торы (здесь крестьяне даже разломали печи), сожжены господские кухня, ледник, сенной сарай, скотный и хлебный дворы; в этом пожаре погибло 120 000 снопов господской ржи и 150 копен господского сена. Из господской кузницы были взяты наковальня и все инструменты. Крестьяне разобрали скот помещика — 167 коров, 64 теленка, 20 свиней, на помещичьей пасеке выбрали 26 колодок меда, ульи раскололи, а пчел сожгли. С помещичьего поля крестьяне свезли 50 000 снопов сжатой ржи и кроме этого сжали восемь с половиной десятин господской ржи, 81 десятину овса, три десятины ячменя и одну десятину пшеницы, скосили шесть десятин гречихи и выбрали три четверти десятины льна. В господской лесной даче было вырублено очень много мелкого липового леса, причем барышниковские крестьяне не только сами пользовались господским лесом для своих нужд, но снабжали им также крестьян других, соседних помещиков.[14]

Семья помещика Лесли покинула имение Копыревщину, в Смоленском уезде. После отъезда господ, как рассказывал впоследствии крепостной кучер, „мужичье все разграбило: господский скот, лошадей, хлеб, мебель, — пустые стены остались...“[15]. Много было в Смоленской губернии летом и осенью 1812 года таких разгромленных крестьянами

дворянских гнезд. При разгроме усадьбы Лыкошиных в Дорогобужском уезде крестьянами был убит сын владельца, молодой П. А. Лыкошин. Его родители при приближении военной грозы выехали из Смоленской губернии, оставив сына для надзора за имениями. Получив известие о том, что в Дорогобужской вотчине крестьяне начали делить между собою господское имущество, молодой Лыкошин, находившийся в это время в Бельском уезде, поспешил в дорогобужское имение, сопровождаемый дворянином Бердяевым и камердинером, с целью прекратить разгром усадьбы. Крестьяне окружили молодого барина, убили его и Бердяева и бросили оба трупа в озеро.[16] Полковник Дибич, стоявший с казачьим отрядом в Бельском уезде, жестоко усмирил лыкошинских крепостных: два крестьянина были по его приказу расстреляны, остальных казаки перепороли. Так один из смоленских дворян заплатил жизнью за попытку помешать дележу барского добра.

В тех уездах Смоленской губернии, которые находились в стороне от движения армии Наполеона, большинство помещиков оставалось на местах, в своих имениях, и продолжало требовать от крестьян барщины. Поэтому здесь борьба крестьян против крепостного гнета приняла другие формы — отказа от работы на помещика и расправы с

господами. Наиболее ярко эти формы антипомещичьего движения выразились в событиях, разыгравшихся в имении помещика Энгельгардта. Подполковник Павел Иванович Энгельгардт принадлежал к мелкому дворянству Смоленской губернии — он владел в Поречском уезде небольшим имением (сельцо Дягилево), в котором числилось по ревизским сказкам всего 78 крепостных душ. В помещичьей среде Энгельгардт пользовался плохой репутацией — он был известен как „гуляка, пьяница и дурной человек"; известна была также его жестокость.[17] При вторжении французов в пределы Смоленской губернии Энгельгардт не покинул своей усадьбы, надеясь удержать своих крепостных в повиновении и заставить их попрежнему работать на себя. О том, что произошло дальше, рассказал сын священника Н. Мурзакевича в составленном им „жизнеописании" своего отца. Крестьяне Энгельгардта, „толкуя между собой и видя, что соседних деревень крестьяне не работают на помещиков, оставивших свои имения, порядившись между собою, не стали ходить на барщину. Энгельгардт просил в двадцати пяти верстах стоявшего сотника казачьего, чтобы прислал „вразумить" нагайками крестьян, не повиновавшихся помещику. Казаки отлично выполнили свою обязанность и строго под-

твердили мужичкам работать на помещика. Это ожесточило крестьян. Двое из них отправились в Смоленск и объявили коменданту, что помещик их заставляет ловить французов и убивать. Комендант послал взять Энгельгардта в Смоленск, допросил его и, уверившись, что крестьяне оболгали помещика, пустил обратно". Энгельгардт, чтобы отомстить крестьянам, вторично пригласил казаков для расправы с крепостными. После этого „вся деревня заодно приговорила, чтобы опять двое шли в Смоленск, и уже придумали лучшие меры погубить своего помещика — два каких-то трупа закопали в господском саду (автор рассказа добавляет: „Можно наверное полагать, что трупы были французские"). Приходит конвой с офицером, отрыли два трупа, и как улика была действительно, то и взяли под арест Энгельгардта, посадили в тюрьму".[18] Тюрьма помещалась в нижнем этаже Спасской церкви. По приговору французского военного суда Энгельгардт был расстрелян 27 октября 1812 года за Молоховскими воротами крепостной стены.

Рассказ И. Мурзакевича находит себе подтверждение в сохранившихся документах. В феврале 1813 года, по свежим следам происшедших событий, поречский уездный предводитель дворянства Баранцев до-

носил смоленскому гражданскому губернатору, что подполковник Энгельгардт „был взят в последних числах сентября 1812 года, по доносу собственных крестьян в убийстве французских мародеров". В июле того же года смоленский губернский предводитель дворянства С. Лесли в рапорте управлявшему тогда Смоленской губернией сенатору Каверину сообщал, что четверо крестьян Энгельгардта явились „к смоленскому французскому правительству с доносом на него, почему сильный отряд послан был напасть на него, который захватил его внезапно в собственном доме". Наконец, в своем предсмертном письме к матери, написанном в тюрьме в день казни, сам Энгельгардт писал: „Я по лживому доносу моих четырех крестьян: Григория Борисова, Михаила Лаврентьева, Корнея Лавринова и Авдея Свиридова — осужден на смерть, и сегодня кончат нить дней моих..."[19]. Таким образом, документы, в том числе и свидетельство самого Энгельгардта, подтверждают факт доноса крепостных Энгельгардта на своего помещика французским властям в Смоленске, а этот факт говорит о резком обострении классовых противоречий между крепостными и их владельцем в сельце Дягилеве, об упорной борьбе крестьян с ненавистным им помещиком, борьбе, в которой они стремились

расправиться со своим барином, подведя его в конце концов под французские пули. Кажется, дело в данном случае не ограничилось отказом крестьян от работы на барщине и доносом на помещика. В духовном завещании Энгельгардта, составленном им также в день казни, есть такая любопытная деталь: „Хотя заемные обязательства моими крестьянами изодраны, сделать в надлежащих местах выписки, и по копиям взыскивать деньги в пользу ее же, матери моей...“[20]. Это место из завещания заставляет предполагать, что в имении Энгельгардта вспыхнуло настоящее восстание крепостных, во время которого они уничтожили хранившиеся у барина заемные обязательства и, вероятно, не только эти обязательства...

Губернский предводитель дворянства С. Лесли в упомянутом уже рапорте сенатору Каверину писал, что „Энгельгардт со своими доворовыми людьми, разъезжая, нападал на малые неприятельские партии, побил своеручно двадцать четыре человека французов по уверению некоторых людей“.[21] Между тем, в своем предсмертном письме к матери, в искренности которого невозможно сомневаться, Энгельгардт говорит о „лживом“ доносе крестьян на него. Крестьяне донесли французским властям о том, что их барин убивал французов. Следовательно, ут-

верждая лживость доноса своих крепостных, Энгельгардт в сущности отрицал свое участие в деле истребления неприятеля. Если так, то помещика Энгельгардта приходится исключить из числа участников народной войны в Смоленской губернии в 1812 году.

В глазах дворянства и русского царизма Энгельгардт был доблестным патриотом, героем народной борьбы с наполеоновским нашествием. Император Александр I наградил родственников Энгельгардта пожизненными денежными пенсиями. В царствование Николая I в Смоленске за Молоховскими воротами, на месте казни Энгельгардта, был поставлен ему неуклюжий памятник (после революции этот памятник был снят). С нашей же точки зрения история подполковника Энгельгардта является только ярким и убедительным показателем классовой борьбы между крепостным крестьянством и помещиками, кипевшей в смоленской деревне в год Отечественной войны.

Факты этой борьбы мы находим в „Дневнике партизанских действий" Дениса Давыдова. Он рассказывает, что в Юхновском уезде Смоленской губернии дворовые люди отставного майора Семена Вишнева убили своего помещика. Крестьянин Ефим Никифоров убил помещика отставного поручика Данилу Иванова; крестьянин Сергей

Мартынов, „указывая неприятелю на известных ему богатых поселян, убил управителя с. Городища, разграбил церковь, вырыл из гробов прах помещицы этого села и стрелял по казакам". При появлении в этих местах отряда Давыдова дворовые люди Вишнева и Никифоров успели бежать и скрыться, но Мартынов был захвачен казаками Давыдова. „Эта добыча была для меня важнее двух сот французов", признается Давыдов. Лихой гусар, знаменитый партизан и поэт выступил в роли усмирителя крестьян. Мартынов был расстрелян в присутствии толпы крестьян, собранных или, скорее, согнанных в село Городище из соседних деревень, причем „его заживо отпели". После расстрела „моя партия окружила зрителей, в числе коих хотя и не было ни одного изменника и грабителя, но были, однако, ослушники начальства. Имея список виновных, я стал выкликать их поодиночке и наказывать нагайками. Когда кончилась экзекуция, я читал мирянам следующее: „Так карают богоотступников, изменников отечества и ослушников начальства!..". Присутствовавший при расстреле Мартынова и порке крестьян местный священник проклял „ослушников и предателей царя и отечества".[22]

Приказчик одного из имений князя А. Голицына в Сычевском уезде писал своему гос-

подину осенью 1812 года, что во многих дворянских имениях Дорогобужского, Вяземского и Сычевского уездов Смоленской губернии „помещичьи крестьяне делили между собою господское имение, даже дома разрывали, жгли и убивали помещиков и управляющих". В имении помещика Карабанова Вяземского уезда крепостные грозили „распороть брюхо" своему барину, когда он вернется в усадьбу.[23]

Как в Белоруссии, так и в Смоленской губернии наполеоновские власти подавляли крестьянское движение против помещиков и крепостного права. Дворяне Витебской губернии, испуганные крестьянскими волнениями, бросились за помощью к французскому губернатору в Витебске генералу Шарпантье. Губернатор послал по деревням летучие отряды из французских солдат, которые беспощадно усмиряли крестьян и восстанавливали крепостные порядки. В октябре 1812 года в Смоленске, согласно указу Наполеона, „была сформирована подвижная колонна в составе 200 человек смоленского гарнизона при шести офицерах и под начальством батальонного командира. При этой колонне также был полевой суд, в состав которого вошли командующий колонною и четыре офицера гарнизона".[24] Этот карательный аппарат предназначался для усмирения

волновавшейся крепостной массы. Расправляться с крестьянами французским властям помогали назначенные интендантом Смоленской губернии комиссары из смоленских дворян, в число обязанностей которых входило „подавление крестьянских бунтов против помещиков".[25]

После изгнания французов из Смоленской губернии помещики стали возвращаться в свои разоренные и разгромленные гнезда и собирать разобранное крестьянами и развезенное ими по своим деревням и избам господское имущество. Известный уже нам дорогобужский помещик Барышников прислал в декабре 1812 года из Нижнего-Новгорода администрации своей вотчины приказ, в котором требовал: „Крестьянам всем объявить, чтоб они повиновались начальству и возвращали б все господское добро, которое они взяли во время нашествия неприятелей, и что ими будет возвращено — записывать в особую книгу". Выполняя барский приказ, вотчинные власти отобрали у крестьян значительную часть принадлежавших помещику вещей. Например, у крестьянина деревни Подопхай Петра Григорьева было отобрано пять стульев из господского дома, маслобойка, ушат, ухват, кочерга, кузнечный мех, наковальня, сундук, кадушка, бочка большая, две иконы, оконная рама со стек-

лами. У крестьянина той же деревни Николая Константинова отобрали столик и стул из помещичьего дома. Крестьянина Карпа Федосеева заставили вернуть столярный рубанок, два долота, две иконы и т. д.[26]

Иногда происходили такие сцены. „Когда возвратились, то в Пологах потемкинский крестьянин (т. е. крепостной помещика Потемкина) молотил в господской медвежьей шубе. Майданович ему сказал: „Зачем ты баринову шубу взял? — А нам казали, что панов больше не будет; а когда они вернутся, то вот ему его шуба!". И снял с себя..."[27]. Смоленский помещик Лесли после изгнания неприятеля поехал в свое имение Копыревщину „все в порядок привести. Собрал Александр Дмитриевич (Лесли) сходку, стал уговаривать все возвратить: в дом снести, хлеб ссыпать, скот и лошадей пригнать. Ни близко не подходи, и слушать не хотят! Затвердили: „Мы теперь Платовы!". На том уперлись и стали . После неудачных переговоров с крестьянской сходкой Лесли отправился в ближайший уездный город Духовщину за полицейской помощью. „На другой день рано явился с исправником и командой. Опять спросили, собрав, хотят ли слушаться. Нет. Как начал исправник пороть уж без пощады; как отодрали трех-четырех порядком, — ан и другие уж сдались, на-

чали все возвращать и до последней нитки доставили на место".[28] В самом конце 1812 и начале 1813 года по всей Смоленской губернии прокатилась волна таких помещичьих и полицейских экзекуций. Архиепископ Феофилакт, управлявший в это время Смоленской епархией, писал в январе 1813 года в письме обер-прокурору синода князю А. Н. Голицыну: „Обличаемые крестьяне в присвоении себе господских вещей истязываются без пощады...".[29]

В то самое время, когда Смоленская губерния была охвачена крестьянским движением против помещиков и крепостного гнета, на ее территории ярко и широко разгорелось также пламя народной войны с иноземным завоевателем. Это совпадение по месту и по времени восстания народной массы против своих господ и борьбы этой же массы против ворвавшегося в страну внешнего врага было естественным и неизбежным. „Стремление крестьян в первую очередь разделаться с вторгшимся врагом не стояло ни в малейшем противоречии с незатухавшей классовой борьбой крестьянства против помещиков. С точки зрения крестьян и Наполеон и собственные помещики были сходны в одном — они стояли за крепостническое угнетение крестьянства".[30] С августа 1812 года Смоленская гу-

берния стала ареной единого в своем существе широкого и мощного народного движения против лежавшего на плечах народа помещичьего крепостного ярма и против завоевателей, несших на своих штыках сохранение и утверждение этого ярма.

Французская армия вторглась в границы Смоленской губернии в первой половине августа, сначала — в пределы Поречского уезда, а затем — Краснинского уезда. Сразу же вслед за вторжением неприятеля на территорию губернии в ней началась народная война, а к концу августа она уже разгорелась. В конце августа уже действовал партизанский отряд из горожан города Поречья, уже сражались с французами крестьяне Сычевского уезда... Французский офицер Пюибюск писал из Смоленска 27 августа: „Солдаты наши оставляют свои знамена и расходятся искать пищи, русские мужики, встречая их по одиночке или несколько человек, убивают их дубьем, копьями и ружьями".[31] В этих словах офицер Наполеона констатировал народную войну, уже пылавшую вокруг Смоленска. Окончилась народная война в Смоленской губернии в ноябре 1812 года, вместе с изгнанием французов из ее пределов.

Народная война охватила всю Смоленскую губернию, но она нашла себе неоди-

наковое выражение в различных ее районах. В уездах, лежавших непосредственно на пути движения главных сил французской армии к Москве (Краснинский, Смоленский, Дорогобужский, Вяземский, Гжатский), крестьяне уходили в леса, уничтожая или унося с собою свои запасы и имущество. В этих районах преобладала, таким образом, пассивная форма народного сопротивления врагу, выраженная в бегстве населения, не желавшего подчиняться неприятельской власти. О значении этой формы народной войны, о том ударе, который она нанесла армии Наполеона, мы говорили выше. В уездах, оказавшихся в стороне от пути наступления французов (Бельский, Сычевский, Рославльский, Юхновский, отчасти — Поречский, Духовщинский и Ельнинский), где крестьянское и городское население в своей массе оставалось на местах, народная война приняла активную форму вооруженной борьбы с завоевателями. Центрами народной войны в Смоленской губернии стали именно эти уезды — Бельский, Сычевский, Рославльский, Юхновский.

Главной действующей силой народной войны в Смоленской губернии было, конечно, смоленское крестьянство. Партизанский отряд Дениса Давыдова, состоявший из гусар и казаков, был сформирован с разреше-

ния Кутузова накануне Бородинского сражения. Вскоре после этого сражения Давыдов выступил со своим отрядом в тыл французской армии и оказался на территории Смоленской губернии. 14 сентября, в самый день вступления Наполеона в Москву, он разгромил в с. Токареве шайку французских мародеров. Следовательно, Давыдов появилля в Смоленской губернии между 7 и 14 сентября. Он встретил на своем пути вооруженный народ, вооруженное крестьянство. „Общее и добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли на помощь к ним... Часто ответом нам был выстрел или пущенный сразмаха топор, от ударов коих судьба спасала нас... С каждым селением продолжались переговоры, до вступления в улицу оного. Там сцена переменялась: едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги подносимы были солдатам".[32]

На этом фоне вооруженного народа выделяются крестьяне-одиночки, по собственной инициативе выступавшие против

врага и порою показывавшие примеры подлинного героизма и мужественной любви к родине. Об одном из таких одиночек рассказывает Д. Давыдов в своем „Дневнике партизанских действий". В конце сентября отряд Давыдова очутился у с. Теплухи на Смоленской дороге. „Там явился ко мне крестьянин Федор из Царева-Займища, с желанием служить в моей партии. Этот удалец, оставив жену и детей, скрывавшихся в лесах, находился при мне до изгнания неприятеля из Смоленской губернии, и только после освобождения ее возвратился на свое пепелище".[33] В 1814 году Давыдов, возвращавшийся в Россию после заграничного похода и взятия русскими войсками Парижа, заехал навестить своего боевого сотрудника по „двенадцатому году" и уже не застал Федора в живых — он умер от какой-то заразы. Трехтысячный французский отряд с четырьмя орудиями, двигавшийся из гор. Духовщины в гор. Белый, захватил крестьянина деревни Новоселок Семена Силаева, крепостного помещика Воеводского. Французы потребовали, чтобы Силаев указал им дорогу на Белый. „Выведены были из фронта солдаты с заряженными ружьями расстреливать его; а он все уверял, что дорога непроходимая, что на всем протяжении Свитского мха мосты сожжены, поделаны за-

секи и окопы, которые защищаются многочисленным корпусом войск... в то время как небольшой отряд казаков, находившихся в гор. Белом, готовился уже к отступлению, а Свитский мох, всегда непроходимый, был в то лето совершенно сух. Ему сулили золото вести на с. Чичаты..."[34]. Однако ни угроза немедленного расстрела, ни французское золото не поколебали новоселковского мужика. Ничего не добившись от Силаева, французский отряд повернул обратно. Силаев спас город Белый, в тот момент совершенно беззащитный, от неприятельского нападения и разорения.

Во главе крестьян Смоленской губернии, вооружившихся на врага, стояли обычно крестьяне же. Сохранилось очень немного имен крестьян—организаторов и руководителей народной войны 1812 года. Среди них преобладают представители вотчинной помещичьей администрации — управляющие, бурмистры, приказчики дворянских имений, сами бывшие такими же крепостными крестьянами, как и управляемое ими население этих имений. Это обстоятельство не должно удивлять нас: бурмистры и приказчики стояли во главе крестьянской массы в мирной жизни, управляя ею по воле барина; они естественно оказались во главе этой массы, в качестве организаторов и руководителей,

когда она поднялась на „француза". В Гжатском уезде действовали два бурмистра помещиц Каровой и Белкиной — Игнатий Никитин и Галактион Максимов. В Сычевском уезде отличились: управляющий имением графини Моден — Агапий Иванов, управляющий помещицы Ломоносовой — Сергей Миронов, бурмистр помещицы Олонкиной — Максим Васильев, приказчик той же помещицы — Андрей Степанов, бурмистр графа Гудовича — Антон Антонов, голова экономической Баскаковской волости — Василий Никитин.[35] В Сычевском же уезде прославился бурмистр села Левшина Петр: французы зашли в село, забрались в избу; Петр припер двери избы, пока сбегались крестьяне; французы начали стрелять через двери и смертельно ранили бурмистра; умирая, он упросил крестьян пощадить неприятелей, взятых ими в плен.[36] В этом же уезде действовала крестьянка Василиса Кожина, жена деревенского старосты, получившая широкую известность под именем „старостихи Василисы". Предание говорит, что она собрала крестьян и вела борьбу с мародерами, во главе команды, состоявшей из крестьянских баб и ребят, сопровождала в город Сычевку партии пленных французов и однажды косой убила пленного французского офицера, пытавшегося заявить протест про-

тив ее распоряжений. Имя знаменитой старостихи окутано легендой. Академик Е. Тарле справедливо замечает, что о Василисе „ходили целые легенды, но трудно выделить в них точную истину, отделить историю от фантазии".[37]

Иногда во главе крестьян стояли солдаты русской армии. Это явление было, кажется, особенностью народной войны в Смоленской губернии. Ничего подобного не заметно ни в Белоруссии, ни в Московской и Калужской губерниях. Рядовой Киевского драгунского полка Ермолай Васильевич Четвертаков в бою у села Царева-Займища 31 августа потерял лошадь, которая была убита под ним, остался на поле сражения и был взят французами в плен. Через три дня он бежал из плена. Потеряв возможность присоединиться к своему полку, Четвертаков выступил как организатор и руководитель крестьянской борьбы с французами. В первой деревне, в которую он пришел,— Басманы, к нему присоединился только один крестьянин, но уже в следующей деревне — Задково к Четвертакову примкнули сорок семь крестьян. Через некоторое время отряд Четвертакова насчитывал триста человек. Впоследствии для нападения на значительный отряд французской пехоты, шедший с двумя орудиями, ему удалось собрать до

четырех тысяч крестьян из окрестных деревень.[38] Четвертаков вел партизанскую войну в пределах Гжатского уезда. В этом же уезде действовал и другой солдат-кавалерист, рядовой Елисаветградского гусарского полка Федор Потапов, по прозванию Самусь; в его отряде было около двух тысяч крестьян, имелась даже одна пушка.[39] Рядовой Московского пехотного полка Степан Еременко, раненый 17 августа под Смоленском, был оставлен в одной из деревень для излечения; оправившись от раны и не имея уже возможности присоединиться к своему полку, он организовал отряд из трехсот крестьян и начал действовать с ним в тылу французской армии.[40] У всех перечисленных выше солдат — участников народной войны в Смоленской губернии — одна общая черта: все они, по той или иной причине, отстали от своих частей и, очутившись среди крестьянского моря, выступили в качестве организаторов крестьян для борьбы с завоевателями. Здесь перед нами подлинный союз солдата и земледельца в борьбе с нашествием Наполеона. В этом союзе с особенной силой и убедительностью сказался народный характер Отечественной войны 1812 года.

В Сычевском уезде одним из отрядов вооруженных крестьян командовал отстав-

ной майор русской армии Семен Емельянов. Несмотря на свой офицерский чин, Емельянов был сыном народа. Крепостной крестьянин помещиков Паниных, он был сдан в солдаты, участвовал в войне с Французской республикой в 1799 году; раненый в сражении при Цюрихе, он спас полковое знамя, был в плену у французов и по возвращении из плена был произведен в офицеры по приказу императора Павла. Это был весьма редкий для того времени случай получения офицерского чина человеком недворянского сословия, бывшим крепостным. В 1810 году Емельянов вернулся в родное село уже майором. В год наполеоновского нашествия он организовал окрестных крестьян для борьбы с французами, лично руководил ими и в одной из схваток с неприятелем был убит.[41]

В народной войне в Смоленской губернии приняло участие и городское население. Массовое участие горожан в борьбе с французами также является особенностью народной войны именно в этой губернии, особенностью, которой не видно в других областях России (в Литве, Белоруссии, Московской и Калужской губерниях). В трех городах Смоленской губернии — Поречье, Сычевке и Рославле — организовались из местных купцов и мещан отряды или ополчения

для борьбы с врагом. В городе Поречье в роли организатора и начальника городских партизан выступил купец Никита Минченков. Он, по его собственным словам, „взял на себя защищение места жилища своего от нападения неприятеля и разорения, им делаемого, собрал для сего охотников из здешних обывателей, конных и пеших; соделавшись им, по обоюдному их желанию, начальником, производил разъезды как внутри города, равно и в окрестностях оного...“[42]. В отряде Минченкова сражались с французами поречские мещане Г. Мезинов, И. Березин и др. В городе Сычевке имело место поголовное ополчение горожан. Сычевский городничий Карженковский в рапорте смоленскому губернатору Ашу, представленном в декабре 1814 года, свидетельствовал, что „все жители (гор. Сычевки)... занимались беспрестанно караулами, разъездами“. Ополчение, как можно предполагать, имело правильную организацию, делилось на сотни и полусотни: в том же рапорте городничий ходатайствовал о награждении оставшихся без награды двух „сотенных“ — Матвея Куренкова и Захара Щеникова и четырех „пятидесятников“ — Федота Милеева, Семена Тяполовского, Александра Костина и Василия Мельникова. Были организованы постоянные дневные и ночные караулы из горожан, были

выделены люди для встречи и сопровождения пленных французов. Организация ополчения происходила при активном участии Сычевского городского магистрата — „в вооружении и распределении обывателей на защиту города" городничему содействовали члены магистрата — бургомистр Масленников, ратманы Денисов и Байдурин.[43] В городе Рославле купцы и мещане „на свой счет вооружили и содержали около четырехсот человек пеших и конных, из среды своей выбранных, которые разделены были на несколько партий и делали разъезды в Рославльском и ближайших уездах...".[44]

Таким образом, в Смоленской губернии осуществилось массовое участие городского населения в народной войне с завоевателями. Сотни горожан, поречских, сычевских, рославльских, купцов и мещан, вооруженных и организованных в отряды или партии, вместе с крестьянами уничтожали врагов. Горожане выступали как союзники крестьянской массы, которая представляла собою главную действующую силу народной войны. Но союз горожан и крестьянства не всегда был прочен. Партии рославльских горожан-партизан, разъезжавшие по Рославльскому уезду и истреблявшие французов, сначала пользовались полным содействием крестьян. Однако, когда партизаны стали требовать

от крестьян продовольствия для себя и корма для своих лошадей, хорошие отношения между горожанами и крестьянами быстро испортились. Однажды конный отряд рославльских купцов и мещан, численностью в 150 человек, заночевал в деревне Козловке (в пятидесяти верстах от гор. Рославля). Он подвергся внезапному нападению французов и потерпел поражение, потеряв 12 человек убитыми, 17 тяжело ранеными и 20 человек пленными. Среди жителей Рославля тогда существовало убеждение, что французы напали на партизан „по извету тамошних приказчиков и крестьян, данному французам" — крестьяне предупредили неприятеля о том, что в деревне остановился отряд партизан.[45]

Дворянские историки Отечественной войны рисовали русское духовенство стоявшим во главе народа, поднявшегося на Наполеона. В исторической действительности невозможно найти подтверждение этому положению дворянской историографии. Духовенство Могилевской губернии, как мы знаем, присягнуло на верность Наполеону во главе со своим архиереем. В Смоленской губернии, в городах и уездах, лежавших на пути движения французской армии, духовенство бежало вместе с населением. Оставшееся в Смоленске духовенство, в лице трех известных

уже нам священников, готовилось встречать Наполеона, обнаружив тем самым склонность пойти на соглашение с врагом. Эта склонность заметна и в среде сельского духовенства Смоленской губернии. Священник села Яковлевич, Ельнинского уезда Леонтий Ширяев после изгнания французов из пределов губернии обвинялся „в изменническом его преступлении против государя нашего"; преступление заключалось в том, что Ширяев прекратил поминовение в церкви царя и царской фамилии и заготовлял съестные припасы на случай прихода французов. В феврале 1813 года он был через ельнинский земский суд препровожден к смоленскому губернатору для следствия и наказания.[46] В народной войне в Смоленской губернии духовенство не приняло никакого участия. Воевали с французами, бок-о-бок с крестьянами и горожанами, только дьячки и пономари, низшие представители церковных причтов, не принадлежавшие в сущности к духовенству, поскольку они не имели духовного сана. Пономарь села Савенок, Сычевского уезда, Алексей Смирягин предводительствовал крестьянами этого села и в схватке с французами отбил у неприятельского офицера карту России и знак Почетного легиона.[47] Дьячок Пятницкой церкви города Рославля Савва Крастелев стал в

ряды городского партизанского отряда, воевал полтора месяца и был убит при ночном нападении французов на рославльских партизан в деревне Козловке.[48]

Какую роль в народной войне в Смоленской губернии играло смоленское дворянство, господствующий и правящий класс, которому принадлежали земля, работавшие на него крепостные „души" и власть? „В годину величайшего народного бедствия, — писал историк Отечественной войны в Смоленской губернии В. Вороновский,— оно (дворянство) явилось ярким выразителем общенародных помыслов и чувств; оно шло во главе всего народного восстания, охватившего наше отечество... Помещик исчез, и в его лице на арену общественной деятельности выступил самоотверженный патриот-гражданин". Все это очень далеко от действительности. В уездах, находившихся на пути наступления „великой армии", почти все дворяне-помещики бежали, покидая свои имения и усадьбы; бежали также дворянские власти—предводители дворянства, уездные исправники и чиновники, вплоть до смоленского губернатора и высших представителей губернской администрации. Из немногих оставшихся на местах в зоне неприятельской оккупации смоленских дворян некоторые пошли служить французам. Напо-

леоновский интендант Смоленской губернии назначил в уездах, занятых французскими войсками, комиссаров с их помощниками, в круг обязанностей которых входили сбор продовольствия и фуража для армии Наполеона, преследование мародеров, поощрение крестьян к возобновлению оставленных работ и подавление крестьянских „бунтов" против помещиков. В сохранившемся списке комиссаров и их помощников значится 63 человека, из них — 47 дворян.[49] В уездах, оказавшихся в стороне от военных действий, большинство дворян, повидимому, осталось в своих имениях, но в народной войне с французами приняли участие лишь немногие дворяне, преимущественно отставные военные.

На фоне массового участия в народной войне крестьянства и городского населения доля дворянства измеряется буквально единицами, встречаются лишь отдельные участники грандиозной героической борьбы с завоевателями, ареной которой стала Смоленская губерния. Мелкий помещик Духовщинского уезда Семен Иванович Шубин, „защищая по возможности свое и соседственные селения от неприятельских мародеров", узнал, что в ближайшей деревне Гаврилове находятся двадцать три неприятельских солдата, известил об этом майора Казанского драгунского

полка Даллеровского, стоявшего с отрядом драгун в деревне Зимце около города Духовщины, и получил от него команду драгун. С нею Шубин ударил на французов, расположившихся в деревне Гаврилове, взял двадцать одного из них в плен, но два французских солдата успели бежать в Смоленск и сообщили наполеоновским властям в Смоленске о действиях Шубина. Он был схвачен французами, доставлен в Смоленск и здесь расстрелян.[50] Помещик Поречского уезда, прапоршик Петр Храповицкий, „не успевши выехать в другие губернии, скрывался в местах Поречского уезда и, составя из двадцати семи человек крепостных своих людей конную команду, вооруженную пиками и огнестрельным оружием, делал неоднократные с ними на отряды неприятельской армии нападения, которых, часто и удачно поражая, брал в плен". 16 октября 1812 года Храповицкий был взят в плен отрядом французской конницы и доставлен в Смоленск, но вскоре из плена бежал.[51] Помещик Сычевского уезда, отставной штабс-капитан Николай Тимашев вооружил своих крестьян и, разъезжая со своим отрядом, ловил и истреблял мародеров.[52] Помещик Рославльского уезда, князь Иван Тенишев, „переловил более четырехсот мародеров и деятельно защищал уезд от набегов неприя-

тельских".[53] Помещики Смоленского уезда братья Лесли, еще до вступления французской армии в границы Смоленской губернии, организовали конный отряд из шестидесяти человек своих дворовых и крестьян, вооруженный пиками и саблями. Отряд сначала стоял под командой генерала Оленина на границе с Белоруссией, у местечка Ляды, Могилевской губернии, затем участвовал в сражениях под Красным, под Смоленском и Бородиным.[54] Губернский предводитель дворянства в отношении к смоленскому губернатору Ашу в январе 1814 года свидетельствовал, что дворяне: Бельского уезда — поручик Г. Борейша, Духовщинского уезда — майор С. Гринев и коллежский регистратор Ф. Василевский, Юхновского уезда — ротмистр А. Бельский, штабс-капитан Я. Волков, корнет А. Марков, Сычевского уезда — уездный судья Мельников, Поречского уезда — поручик В. Длотовский — „из усердия своего вооружили крепостных своих и разного звания людей; делали разъезды, отражали многие неприятельские партии от границ своих уездов, и немалое число побито и забрано (ими) в плен французов".[55]

Смоленское дворянство в своей массе не приняло участия в народной войне. Гораздо активнее оказались дворянские власти в

уездах, находившихся в стороне от пути движения главных сил Наполеона, — уездные предводители дворянства, исправники, городничие. В Сычевском уезде организацией крестьян для борьбы с французскими отрядами и мародерами, проникавшими на территорию уезда, занялись уездный предводитель дворянства Н. Нахимов и исправник Е. Богуславский. Сычевское дворянство высоко ценило их деятельность и в 1814 году ходатайствовало о разрешении поднести обоим от имени дворянства шпаги „за сохранение в Сычевском уезде тишины и недопущение его (неприятеля) к распространению разорения". В то же время сычевский городничий П. Карженковский организовывал горожан на защиту города Сычевки. Бельский уездный предводитель дворянства Л. Каленов „вооружил до шестисот конных, которым ополчением, состоявшим под его начальством, защищал он Бельский уезд от неприятельских партий". Исправник Бельского уезда Богуславский собрал триста человек крестьян и стал во главе этого отряда. Исправник Рославльского уезда Семичев был убит в схватке с неприятельским отрядом, направлявшимся по Брянской дороге. Поречский уездный предводитель дворянства Баранцев собрал по одному человеку с каждых пятидесяти душ удельных,

экономических и помещичьих крестьян уезда и организовал из крестьян конные разъезды. Исправник Поречского уезда И. Банин „с шестнадцатью человеками дворян и дворовыми людьми напал на отряд, шедший в город (Поречье), состоящий из 28 человек, из которых одного убили, двух ранили, остальных взяли в плен".[56] В Юхновском уезде партизанские отряды формировал уездный предводитель дворянства С. Храповицкий.

Смоленские губернские власти во главе с губернатором бежали из Смоленска и из пределов губернии. Но в конце сентября губернатор соседней Тверской губернии Л. Кологривов по собственной инициативе принял в свое заведывание Гжатский, Сычевский, Бельский и Вяземский уезды. Кологривов послал в Смоленскую губернию одного из своих чиновников, советника тверской палаты гражданского суда Денисова для организации сопротивления населения французским войскам и мародерам. Согласно указаниям Кологривова, Денисов должен был действовать через исправников и городничих, с помощью этих полицейских властей вооружать крестьян и горожан для защиты от неприятеля. Денисов развил довольно энергичную деятельность, используя уже сложившиеся в уездах Смоленской гу-

бернии и сражавшиеся с французами партизанские отряды и партии.[57]

Очень видное место в деятельности дворянских властей, организовавших народную войну против неприятеля, занимало усмирение волновавшихся и восставших против помещиков и установленного начальства крестьян. Сычевский уездный предводитель дворянства Нахимов в ноябре 1812 года писал в рапорте сенатору Каверину, назначенному правительством для управления Смоленской губернией, что „многие крестьяне начинали выходить из повиновения своего начальства, но как я и исправник не отлучались от своих постов, а по большей части находились в округе, то при начале еще возмущения старались пресечь, и потому округа находятся во всем порядке и тишине".[58] Известный нам Денисов „стал объезжать селения Вяземского уезда, причем в некоторых из них вотчинные управляющие и головы докладывали ему о волнении крестьян, выражавшемся в ослушании и неповиновении властям. Виновные наказывались на глазах других, а главные зачинщики предавались суду".[59] Поречский уездный предводитель дворянства Баранцев обнаружил в деревнях уезда „пропагандистов", распространявших среди крестьян „прокламацию смоленского правительства", т. е. воз-

звание к жителям Смоленской губернии, выпущенное французской администрацией в Смоленске. „Пропагандисты“ были, по словам Баранцева в донесении Денисову, „преданы земле“, но пропаганда имела все же последствия: „некоторые селения уже перестали подчиняться властям и говорили о подданстве французам. Постепенно они были приведены в повиновение и главные из бунтовщиков строго наказаны“. Карательная деятельность Баранцева в Поречском уезде встревожила белорусских крестьян в соседней с ним Витебской губернии. Они, „опасаясь, чтобы Баранцев с той же целью не предпринял поездку в их уезды, ополчились на границах в числе более 300 человек. Баранцев старался не показываться им на глаза из боязни, чтобы „не последовало смертоубийства...“[60]. Дело, как видим, едва не дошло до настоящей войны между поречским предводителем дворянства и витебскими крестьянами.

Все эти факты приводят нас к определенному выводу: активное участие в народной войне дворянских властей Смоленской губернии — уездных предводителей дворянства и исправников — объясняется их стремлением предупредить и пресечь крестьянские волнения, сохранить „порядок и тишину“ в уездах, ответственность за состояние

которых они несли. Организация предводителями и исправниками партизанских отрядов для защиты пределов уезда от неприятеля предупреждала восстание крестьян против господ, неизбежное в случае вторжения французов в границы уезда, — вот почему дворянские власти Бельского, Сычевского, Рославльского, Юхновского уездов так активно участвовали в народной войне с завоевателями. Конечно, их деятельность могла исходить также из прямых патриотических побуждений, могла питаться ненавистью к врагу-завоевателю, разорявшему страну, но главная причина активности смоленских дворянских властей в борьбе с нашествием Наполеона лежала, несомненно, в крестьянском антипомещичьем движении, вызванном этим нашествием и широко разлившемся в 1812 году по Смоленской губернии.

Смоленские дворяне, служившие французам в качестве комиссаров, также усмиряли волновавшихся крестьян. Сохранились сведения о том, что комиссары Мелещенков, Жиркевич, Трубников, Дроздовский с помощью французских военных команд прекращали „бунты“ крепостных.[61] Так в борьбе с крестьянским движением против господ складывался единый фронт дворян — как служивших французам, так и истреблявших французов.

Народная война в Смоленской губернии выразилась в партизанской войне населения с неприятельскими войсками. На территории губернии образовалось и действовало множество партизанских отрядов, состоявших главным образом из крестьян, отчасти из горожан; точный учет их совершенно невозможен. Этими отрядами руководили крестьяне, солдаты, деревенские бурмистры и приказчики, помещики, дворянские предводители, уездные исправники, даже церковные пономари. Численность отрядов была различной — от одного-двух десятков до нескольких сот человек. Вооружены были партизаны преимущественно холодным оружием, которое оказывалось под рукой: самодельными пиками, косами, кольями, рогатинами, топорами. Русский артиллерийский офицер рассказывает в своих „походных записках", что „на походе встречались нам воины-мужички верхом на своих возовиках: иной с косою, утвержденной на длинном древке, другой — со штыком, прикрученным к дубине, третий — с большим гвоздем, прикрепленным к крючку, наподобие пики, или с рогатиною за спиной..."[62]. Огнестрельное оружие было сравнительно редким, причем ружьями партизаны вооружались главным образом за счет отобранных ими у французов. Кажется, городские парти-

заны были вооружены лучше крестьян: у рославльского дьячка Крастелева, сражавшегося в рядах городского партизанского отряда, были ружье, сабля, пара пистолетов с патронташем, пика. Большинство отрядов было, конечно, пешими, но нередко действовали конные отряды и партии; городские партизаны были преимущественно конными. Партизаны пользовались постоянной поддержкой всего окрестного населения, и в случае необходимости партизанский отряд быстро обрастал массой вооруженных крестьян: для нападения на значительную французскую колонну Четвертакову удалось собрать до четырех тысяч крестьян. Это обстоятельство говорит о том, что народную войну с французами в Смоленской губернии вели не только партизанские отряды — в этой войне выступал всей своей массой вооружившийся на врага народ.

Солдаты, руководившие крестьянскими партизанскими отрядами, сами будучи специалистами военного дела, стремились обучить этому делу и крестьян. Четвертаков, например, с самого начала своей партизанской деятельности стал обучать крестьян стрельбе из ружей; мишенями служили снятые с убитых французских кирасиров и повешенные на деревьях кирасы или „латы“. Тот же Четвер-

таков расставлял пикеты из крестьян вокруг деревни Басманы, в которой находилась „главная квартира“ его отряда, и посылал в разные стороны разъезды.[63] Дворянские предводители и исправники, руководившие в своих уездах партизанской войной, также стремились внести в действия крестьян против французов известную планомерность и организованность. Сычевский предводитель дворянства Нахимов рапортовал Кутузову в сентябре 1812 года, что „по приближению неприятеля, по предписанию моему, были вооружены в каждом селении крестьяне пиками, учредя по очереди из оных конные разъезды, которые, услыша или заметя о неприятеле, должны немедля давать знать г. исправнику и в ближайшие селения, и чтобы из селений вооруженные крестьяне по первому извещению немедленно являлись к назначенному месту“.[64]

В большинстве случаев партизаны держались оборонительной тактики, защищая свои села и деревни от врага. Вот один из многочисленных примеров. Отряд французских фуражиров, численностью более чем в 200 человек, подошел к селу Казулину, Бельского уезда. Французы, „усмотря бивачные огни и пикеты, из дворовых вооруженных людей составленные, не решились итти селением; но, обойдя проселочной дорогой,

сделали в ночи нападение на село Белый Берег. Между тем дворовые люди села Казулина, собрав окольных крестьян и дворовых людей, пошли вслед за неприятелями, которые, увидя себя окруженными толпой поселян, до 500 человек простиравшихся, начали отступать, при чем должны были покинуть заграбленное и потерять несколько убитыми и пленными".[65] Значительно реже партизаны предпринимали наступательные операции. К деревне Скугаревой двигался батальон французской пехоты с двумя орудиями. Четвертаков со своим отрядом, усиленным за счет окрестных крестьян (которых собралось до четырех тысяч), атаковал противника. Французская пехота, не вступая в бой с крестьянами, отошла к городу Гжатску. Партизаны отбили у французов 10 фур с фуражом, 30 голов рогатого скота и 20 овец.[66] Городские партизаны держали караулы вокруг города и разъезжали по уезду. Например партизаны города Сычевки „занимались беспрестанно около города караулами, разъезжали в уезде для отражения и поимки тех партий (неприятельских)"; „к тому отлучались из города в уезд дней по десяти и более, а расстоянием от города верст за 30 — 50 и далее".[67]

Партизаны убивали или брали в плен отставших солдат французской армии, ист-

ребляли мародеров, в одиночку и группами бродивших по губернии, уничтожали партии фуражиров, посылаемых за фуражом и продовольствием, разбивали отдельные отряды неприятельских войск, передвигавшиеся в тылу французской армии или сопровождавшие транспорты, захватывали и самые транспорты с фуражом, провиантом, скотом, предназначенным для продовольствия войск, и боевыми припасами (патронами, артиллерийскими снарядами). Генерал Бараге-д'Ильер писал в Москву маршалу Бертье 20 сентября: „Число и отвага вооруженных поселян в глубине области (Смоленской губернии), повидимому, умножается. 15 сентября крестьяне деревни Клушина, что возле Гжатска, перехватили транспорт с понтонами... Поселяне повсюду отбивают от войск наших и режут отряды, которые по необходимости посылаемы бывают для отыскания пищи". Генерал отмечает, что „неистовства эти" чаще происходят „между Дорогобужем и Можайском". 30 сентября Бараге-д'Ильер сообщал тому же адресату: „Я послал три колонны, составленные каждая из 50 человек, для образования области и для собрания съестных припасов. Две из них были взяты и не возвратились... Несколько подобных происшествий случилось и после того..."[68]. Французский офицер Пюибюск жа-

ловался в письме из Смоленска, написанном в конце октября: „Собранные мною около города большие стада скота отбиты неприятельскими легкими отрядами... два наших транспорта, с 65 нагруженными фурами и 150 лошадьми, у нас отбиты...“[69]. Когда через Смоленскую губернию двинулась отступавшая из Москвы французская армия, смоленские партизаны со всех сторон насели и набросились на бегущего врага... Нигде отступающие французы не ощущали с такой силой и непосредственностью окружившую их „плотную стену непримиримой ненависти“ вооруженного народа, как именно в пределах Смоленской губернии.

Количество убитых и взятых в плен партизанами Смоленской губернии французов не поддается точному учету. Во всяком случае, смоленские партизаны перебили и пленили многие тысячи наполеоновских солдат и офицеров. Одними только партизанами Сычевского уезда, по данным рапорта сычевского предводителя дворянства Нахимова сенатору Каверину от 16 ноября 1812 года, в период времени с 31 августа по 6 ноября было убито французов 1760 человек, в том числе 6 офицеров, взято в плен 1009 человек, в том числе 5 офицеров. Конечно, и партизанские отряды несли потери людьми. За тот же ,период времени сычевские

партизаны потеряли в схватках с неприятелем убитыми 97 человек и ранеными 224 человека сычевских крестьян.[70] Это — лишь незначительная доля людских потерь, понесенных смоленским крестьянством и горожанами в народной войне 1812 года.

Народная война отличалась беспощадными расправами с противником и взаимной жестокостью обеих сторон. Французы без суда, на месте, расстреливали крестьян-партизан, взятых ими в плен с оружием в руках. Крестьяне отвечали жестокими расправами с пленниками-французами. В одно имение Духовщинского уезда забралось 12 итальянских солдат из армии Наполеона. Крестьяне дали им водки. „Когда напились без чувств, их обезоружили, раздели совершенно, связали и живыми закопали". В другом месте „французов всех повязали... Привели к Редчинскому озеру. Поставя у берега, — палкой по голове — да в воду"...[71].

На территории Смоленской губернии протекала партизанская деятельность Дениса Давыдова. В ее пределах действовали также партизанские отряды Сеславина и Фигнера. Мы не останавливаемся на действиях этих партизан, потому что их отряды не были выражением народной войны. Эти отряды были сформированы командованием русской армии, состояли из казаков и кавалерийских

солдат и находились под начальством русских офицеров. Их формирование свидетельствовало о том, что русское командование, в лице Кутузова, правильно оценило значение партизанских методов войны. Офицеры-партизаны пользовались поддержкой и помощью поднявшегося на врага крестьянства, и, по справедливому замечанию Е. Тарле, „без этой помощи партизаны не могли бы и вполовину добиться тех результатов, которых они на самом деле добились".[72]

Во второй половине ноября 1812 года Смоленская губерния была очищена от французов. Остатки „великой армии" покинули ее пределы, устремляясь навстречу катастрофе, которая ожидала их на берегах Березины, и дальше — к западной границе Российской империи. Но губерния представляла собою картину страшного разорения и опустошения. В феврале 1813 года профессор московского университета Бекетов ехал из Вязьмы в Ельню. Вот что записал он в своем путевом журнале: „Оттепель вскрыла множество трупов неприятельских, лежащих по проселочным дорогам. Волки целыми стаями, в глазах моих, с жадностью вырывая их из земли, раздирали по частям и алчно пожирали. Целые десятки яростно грызлись за труп и преграждали мне дорогу... Целые толпы бедных крестьян бродят по лесам и

испрашивают себе дневное пропитание у проезжающих...“[73]. Та часть губернии, на которой развернулись военные действия и по которой дважды прошла неприятельская армия, была завалена трупами людей и животных, жертвами сражений и бедственного отступления Наполеона. По 20 апреля 1813 года в одном только Смоленске было убрано и предано земле или сожжено 31 166 человеческих трупов и 14 585 трупов животных, а по всей губернии было убрано 172 566 человеческих трупов и 128 739 трупов животных. Города Смоленской губернии лежали в развалинах: Гжатск был выжжен начисто; в Смоленске, Вязьме, Духовщине осталась всего одна пятая — одна шестая часть зданий; в Красном, Поречье и Дорогобуже — около одной трети зданий; только город Белый совершенно не пострадал. По губернии было истреблено 79 000 лошадей, 132 000 голов крупного скота и 278 000 мелкого скота; осталась незасеяна 321 тысяча десятин пашни. После войны обнаружилась убыль населения губернии — население сократилось на 60 000 душ только мужского пола. Убыток городов Смоленской губернии исчислялся в 20,5 миллиона рублей, убыток сельских местностей губернии — в 54 миллиона рублей, убыток всей губернии — в 75 миллионов рублей того времени.[74]

В 1812 году Смоленская губерния стала ареной войны, завоевательной и грабительской, внесенной в границы России Наполеоном. На ее территории происходили сражения — в августе бои под Красным и Смоленском и длинный ряд упорных арьергардных схваток на всем пути от Смоленска до Бородина; в ноябре — под Вязьмой и снова под Красным. Через всю губернию дважды прошла неприятельская армия. Война, ворвавшись в пределы Смоленской губернии, вскрыла отношение к ней различных классов общества. В исторической действительности не видно и следа того слияния всех сословий, всех общественных групп в „одну семью", того всеобщего патриотического подъема, о котором говорили дворянские историки Отечественной войны. Смоленское дворянство в своей массе не приняло участия в борьбе с вторгнувшимся в страну врагом; оно предпочитало или бежать в соседние губернии, или отсиживаться в своих усадьбах. Дворянские власти в уездах, оказавшихся на пути войны, бежали, вместе с „хозяином губернии" — смоленским губернатором, бросая на произвол судьбы население, которым они управляли. Только дворянские предводители и исправники в уездах, лежавших в стороне от зоны военных действий, взялись за организацию обороны

от врага. Но их активность коренилась не столько в патриотическом одушевлении, сколько в стремлении уберечь свои уезды от крестьянского движения против помещиков, поднимавшегося вместе с вторжением французской армии, ломавшим налаженные крепостные порядки. Смоленское духовенство также не приняло участия в борьбе с завоевателями, а в лице ряда своих представителей даже обнаружило склонность пойти на соглашение с врагом. Немногочисленная интеллигенция осталась равнодушной к народной войне с наполеоновскими полчищами, спасая себя в бегстве, в лице же смоленского учителя Ефремова она пошла служить французам — может быть, потому, что не отдавала себе отчета в завоевательном и грабительском характере нашествия. Городские и крестьянские массы Смоленской губернии одни, в сущности, подняли на свои плечи всю тяжесть сопротивления завоевателям. Они сопротивлялись и в пассивной форме, убегая с насиженных и обжитых мест и оставляя французам опустевшие и опустошенные города и деревни, охваченные пламенем пожаров; они сопротивлялись и с оружием в руках. В народной войне с Наполеоном в Смоленской губернии стихийно сложился союз городских и крестьянских масс. Главной действующей силой этой вой-

ны было смоленское крепостное крестьянство. В 1812 году оно поднялось всей массой в единой в своем существе освободительной борьбе — против собственных господ-помещиков и против иноземного завоевателя, оно боролось за свое освобождение из крепостной неволи и за независимость и самостоятельность своей родины, которой угрожал завоеватель, стремившийся в то же время сохранить лежавшие на русском крестьянстве крепостные цепи. Завоеватель потерпел поражение в войне с русским народом и был изгнан из России, но крепостные цепи остались. Когда пронеслась военная гроза „двенадцатого года", смоленское крестьянство снова очутилось в крепостном ярме.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

[1] Французы в России, ч. I, стр. 26, 27, 31, 35, 36.
[2] Сборник Русского исторического общества, т. 128, стр. 416.
[3] Там же, стр. 442 — 443.
[4] Французы в России, ч. I, стр. 80 — 81.
[5] В. Семевский. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной. „Отечественная война и русское общество", т. V, стр, 76.
[6] Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Под редакц. К. Военского, т. I. Сборник Русского исторического общества, т. 128. стр. 150 — 151.
[7] Там же, стр. 152 — 153.

[8] Акты и т. д., под редакц. К. Военского, т. II. Сборник Русского исторического общества, т. 133, стр. 173.

[9] Акты и т. д., под редакц. К. Военского, т. III. Сборник Русского исторического общества, т. 139, стр. 139. Рапорт могилевского губернского прокурора Вакара министру юстиции от 9 декабря 1812 г.

[10] В. Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 259

[11] История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Москва 1940, стр. 85.

[12] Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Стр. 175.

[13] И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3-е. Ленинград. 1925. Стр. 69, 75.

[14] Н. Савин. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского у. Смоленской губ. Гор. Дорогобуж, 1926. Стр. 10—13.

[15] „Смоленская старина", вып. II, стр. 382. Отрывки из дневника А. А. Лесли.

[16] „Смоленская старина", вып. II, стр. 16..

[17] „Смоленская старина", вып. II, стр. 374. Отрывки из дневника А. А. Лесли.

[18] „Смоленская старина", вып. II, стр. 208—209.

[19] Там же, стр. 78, 87, 92.

[20] Там же, стр. 91.

[21] Там же, стр. 87.

[22] Сочинения Д. В. Давыдова. СПБ. 1893. Т. II, стр. 59—61.

[23] В. Семевский. Отечеств. война и русск. общ., т. V, стр. 93.

[24] „Русская старина" 1901 г. Апрель, стр. 144.

[25] В. Вороновский, стр. 318.

[26] Н. Савин, стр. 17—20.

[27] „Смоленская старина", вып. II, стр. 337. Отрывки из дневника Лесли.

[28] Там же, стр. 382.
[29] Отечеств. война и русск. общ., т. V, стр. 94.
[30] История СССР, т. II, Россия в XIX веке, стр. 85.
[31] Письма французского офицера из г. Смоленска в 1812 году, изд. В. Грачевым, стр. 5.
[32] Сочинения Д. В. Давыдова. СПБ. 1848. Стр. 455—456,
[33] Там же, стр. 469.
[34] „Смоленская старина", вып. II, стр. 15.
[35] Там же, стр. 12, 159—160.
[36] В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 году, стр. 101. Памятная книга Смоленской губернии за 1857 г.
[37] Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Стр. 239.
[38] Альбовский. Один из партизанов 1812 года. »Русская старина", 1898, июль, стр. 95 — 102.
[39] В. Вороновский Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 271.
[40] Н. Поликарпов. Очерки Отечественной войны. „Новая жизнь" 1911. Июль, стр. 138.
[41] В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 г. стр. 100 — 101. Памятная книга Смоленской губернии за 1857 г.
[42] „Смоленская старина", вып. II, стр. 138—139.
[43] Там же, стр. 13, 167
[44] Там же, стр. 21
[45] „Смоленская старина", вып. II, стр. 21—22. В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 году, стр. 107. „Исторический вестник" 1902 г. Октябрь, стр. 260.
[46] „Смоленская старина", вып. II, стр. 276—277. В. Вороновский. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 318.
[47] „Смоленская старина", вып. II, стр. 151.
[48] И. Орловский. Дьячок-партизан 1812 г. „Исторический вестник", 1902. Октябрь, стр. 260.

[49] В. Вороновский. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. Приложения. Список комиссаров и их помощников в Смоленской губернии, стр. 399—402.
[50] „Смоленская старина", вып. II, стр. 82—83.
[51] Там же, стр. 150.
[52] Там же, стр. 12.
[53] Там же, стр. 21.
[54] В. Вороновский. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 266 — 267.
[55] „Смоленская старина", вып. II, стр. 168—169.
[56] „Смоленская старина", вып. II стр. 11—22. А Слезскинский. Народная война в Смоленской губернии в 1812 г. „Русский архив"', 1901 г. № 5, стр. 19, 24.
[57] О деятельности Денисова в Смоленской губернии. См. статьи А. Слезскинского в „Русской старине" 1900 г. Сентябрь и в „Русском архиве" 1901 г. № 5.
[58] В. Вороновский. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. Приложения, стр. 395—396.
[59] А. Слезскинский. Назв. статья „Русск. архив" 1901 г. № 5, стр. 16.
[60] Там же, стр. 25.
[61] В. Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 318.
[62] Изгнание Наполеона из Москвы. Сборник. М. 1938, стр. 98.
[63] Е. Альбовский. Один из партизанов 1812 года. „Русская старина", 1898 г. Июль.
[64] „Смоленская старина", вып. II, 157.
[65] Там же, стр. 15.
[66] Е. Альбовский. Назв. статья „Русск. старина" 1898 г. Июль.
[67] „Смоленская старина", вып. II, стр. 55—56.
[68] В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 г., стр. 109—111.

[69] Письма франц. офицера из г. Смоленска в 1812 г., стр. 13.

[70] В. Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. Приложения, стр. 395.

[71] „Смоленская старина", вып. II, стр. 351, 383. Отрывки из дневника А. А. Лесли.

[72] Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Стр. 238.

[73] Н. Попов Осмотр Н. А. Бекетовым смоленских училищ по нашествии Наполеона. „Русский архив", 1879 г., кн. III, стр. 67.

[74] В. Вороновский. Отечеств. война 1812 г. в пределах Смоленской губернии, стр. 320—322.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XI ч. II. Барклай-де-Толли. Бородино.

К. Маркс и Ф Энгельс. Сочинения. Т. XVI, ч, II. Внешняя политика русского царизма.

В. Ленин. Сочинения. Т. XIX. О брошюре Юниуса.

И. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3 — 5 марта 1937 г. Партиздат. 1937.

Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. I—IV. СПБ, 1843.

М. Богданович. История Отечественной войны 1812 года. Т. I—III. СПБ. 1859—1860.

Отечественная война и русское общество. Т. I—VII. Юбилейное изд. (1812—1912). М. 1912.

М. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст Изд. „Красная новь". М. 1924. (Статья „Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века").

Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М. 1938

Е. Тарле. Наполеон. М. 1939.

Е. Тарле. Отечественная война. 1812 года. Большая Советская Энциклопедия. Т. 43.

Н. Левицкий. Война 1812 года. М. 1938.
К. Клаузевиц. 1812 год. Поход в Россию. М. 1937.
М. Свечников. Война 1812 года. Бородино. М. 1937.
Л. Бычков. Война 1812 года и крестьянство. „Исторический журнал" 1937 г. № 8.
Л. Бычков. Крестьянское партизанское движение против Наполеона в России в 1812 г. „Исторический журнал" 1938 г. № 10.
Изгнание Наполеона из Москвы. Сборник. М. 1938.
В. Пичета. М. Покровский о войне 1812 года. Сборник „Против исторической концепции М. Н. Покровского", Ч. I, М. 1939.
История XIX века. Под редакцией проф. Лависса и Рамбо. 2-е изд М. 1938. Т. I — II.
С. Окунь. История СССР, вып. I (1796—1815 гг.). Ленинград. 1939.
История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Под редакц. проф М. В. Нечкиной. М. 1940.
В. Вороновский. Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. Юбилейное изд. Смоленск. Губернск. земства. СПБ. 1912.
В. Грачев. Смоленск и его губерния в 1812 году. Смоленск. 1912.
И. Федоров. Смоленск и его герои в 1812 году. Смоленск. 1912
Л. Лавровский. Подневольный муниципал. „Исторический вестник" 1902 г. Август.
И. Орловский. Священник Н. Мурзакевич, обвиняемый в измене, в 1812 г. „Русская старина" 1903 г. Апрель — июнь.
И. Орловский. Дьячок-партизан 1812 г. „Исторический вестник" 1902 г. Октябрь.
Е. Альбовский. Один из партизанов 1812 года. „Русская старина" 1898 г Июль.
А. Слезскинский. Смоленские партизаны в 1812 году. „Русская старина" 1900 г. Сентябрь.
А. Слезскинский. Народная во [illegible] в Смоленской

губернии в 1812 году. „Русский архив" 1901 г. кн. V.
Н. Попов. Осмотр Н. А. Бекетовым смоленских училищ по нашествии Наполеона. „Русский архив". 1879 г., кн. III.
М. Аксенов. Историческая записка о Смоленской губернской гимназии, ч. I. Памятная книжка Смоленской губернии на 1912 год.
А. Жиркевич. И. С. Жиркевич и его воспоминания о Смоленске. Изд. Смол. губ. стат. ком-та. Смоленск, 1904.
Смоленск под управлением французов в 1812 году. „Русская старина" 1901 г. Апрель.
Н. Савин. Волнение крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского у. Смоленской губ. Дорогобуж. 1926.
Н. Поликарпов. Очерки Отечественной войны. „Новая жизнь". 1911 г. Июль.
П. Щукин. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Ч. I—X. М. 1897—1908.
Н. Дубровин. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПБ. 1888.
В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников, вып. I—IV. Вильно. 1900—1904.
Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Под редакц. К. Военского. Т. I—III. Сборник Русского историч. общества, тт 128, 133 и 139.
Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Сборник, составленный А. Васютинским, А. Дживелеговым и С. Мельгуновым. Ч. I—III. М. 1912.
Записки А. П. Ермолова о войне 1812 года. 1863.
Д. Давыдов. Дневник партизанских действий. Сочинения Д. В. Давыдова, т. II. СПБ. 1893.
Двенадцатый год. Современные рассказы, письма,

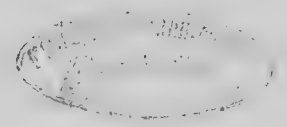
анекдоты, стихотворения. „Русский архив", 1876 г. № 7 — 8.

„Смоленская старина", вып. II. Юбилейное изд. Смоленской ученой архивной комиссии. Смоленск. 1912 г

Дневник свящ. Н. А. Мурзакевича (1776—1834 гг.). Приложение к книге Н. Мурзакевич. История города Смоленска. Изд. Смоленск. губ. статист. ком-та. Смоленск. 1903 г.

В. Грачев. Письма французского офицера из г. Смоленска в 1812 г. Смоленск. 1911.

Л. Толстой. Война и мир. Ч. III — IV.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. Народная война 1812 года в исторической литературе 3

Глава II. Историческое значение народной войны 1812 года 29

Глава III. Смоленск в 1812 году 61

Глава IV. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году 123

Литература и источники 185

П. Г. Андреев. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смолгиз. 1940.
Индекс Эк-1-г. Изд. № 848.

*

Редактор *В. Мальцев.*
Технический редактор *Я. Левита.*
Корректор *Н. Гуревич.*
Переплет *Я. Левита.*

*

Сдано в набор 9/X-40 г. Подписано к печати 25/XI-40 г. Формат 62×94/32. Объем 3 бум. л., 6 печ. л., 6 уч.-изд. л., 42 297 тип. знаков в печ. л. Тир. 5 000 экз.

*

НК 12501

*

Тип. им. Смирнова ОМП—РСФСР. Смоленск пл. Смирнова, Дом Печати. Зак. № 6383.

*

Цена книги 1 р. 50 к. Переплет 65 к.

Издательство просит читателей и библиотеки присылать отзывы об этой книге по адресу: Смоленск, площадь имени В. И. Смирнова, Дом Печати, Смоленскому областному государственному издательству.

Дефектов нет

30/XI-49. Ефр.

нет стр. №30-117.

Фам. _____ Билет № _____

_____

Автор _____

2 р. 15 к.